

Негативная рецепция: Жан-Поль Сартр в пространстве литературной жизни позднего сталинизма

© 2023 Д. М. Цыганов

Negative Reception: Jean-Paul Sartre in the Literary Situation of Late Stalinism

© 2023 Dmitry M. Tsyganov

УДК 82.01

https://doi.org/10.54791/27823792_2023_4_115_174

Информация об авторе:

Дмитрий Михайлович Цыганов, магистрант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; научный сотрудник, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия. E-mail: DmMkhTsyganov@yandex.ru

Ключевые слова: западно-советские литературные связи, экзистенциализм, холодная война, культурная политика, социалистический реализм, модернизм, французская литература XX в., Жан-Поль Сартр, Илья Эренбург.

Аннотация: В статье прослеживается неочевидная траектория эволюции представлений об экзистенциализме и интеллектуальной деятельности Ж.-П. Сартра в советской послевоенной критике и литературоведении. В контексте глобального культурного противостояния двух эстетических систем – «модернизма» и «социалистического реализма» – французский мыслитель занял положение главного выразителя идей «упаднической буржуазной культуры». Однако на протяжении второй половины 1940-х – первой поло-

Information about the author:

Dmitry M. Tsyganov, MA student, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: DmMkhTsyganov@yandex.ru.

Keywords: Western-Soviet literary relations, Existentialism, Cold War, cultural politics, Socialist Realism, Modernism, twentieth-century French literature, Jean-Paul Sartre, Ilya Ehrenburg.

Abstract: The paper traces non-obvious trajectory of evolution of ideas about Existentialism and J.-P. Sartre's intellectual activity in Soviet postwar literary criticism. In the context of the global cultural confrontation between two aesthetic systems (Modernism and Socialist Realism) the French thinker occupied the position of the keynote spokesman of the 'decadent bourgeois culture'. However, in the late 1940s-early 1950s Sartre's reputation underwent considerable changes: from an ideological enemy he became a fellow-traveler and at the end of the Stalin era turned into an ally of the Soviet regime. It led to a rethinking

вины 1950-х гг. сартровская репутация претерпевала существенные изменения: из идеологического врага через позицию «попуччика» коммунистической партии к концу сталинской эпохи Сартр превратился в «союзника» советского режима. С этим связано и переосмысление идеологической природы экзистенциализма, выразившееся в трансформации критической риторики. Подробный анализ появившихся в центральной периодике текстов и архивных источников позволяет восстановить эту неявную линию позднесталинской культурной политики. Статья сопровождается архивными фотоматериалами и публикационным приложением, в котором приведены публицистические и архивные материалы 1940-х гг.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393, «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>

of the ideological nature of Existentialism and a transformation of critical rhetoric. A detailed analysis of archival sources and Soviet periodicals allow to reconstruct this hidden line of late Stalinist cultural policy. In the addendum there are archival photographs, printed and archival materials from the 1940s.

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00393/>

1.

Четырехлетнее военное противостояние в 1945 г. завершилось победой над гитлеровской Германией. Тогда же началось формирование сферы влияния СССР в европейских государствах, позднее названных «странами народной демократии». Такая фокусировка на внешнеполитических проблемах и их постепенное включение во внутригосударственную политику влияли на характер общественной и культурной жизни, создавая ощущение перемен в идеологическом курсе. Советский Союз стал до некоторой степени «открытой» политической системой, заинтересованной в межгосударственном дипломатическом взаимодействии¹. Пересмотру подверг-

¹ Подробнее о литературном взаимодействии см.: *Николюкин А.Н.* Международные связи советской литературы 40-х – начала 50-х годов // *История русской советской литературы*: В 4 т. М.: Наука, 1968. Т. 3. С. 499–520. В качестве ключевой практики реализации сталинского имперского воображения Е. Добренко

ся и принцип отторжения всего инакового, посредством которого в конце 1930-х внутри советского общества укреплялось осознание его самооткровенности и целостности. Советский Союз, отойдя от постулата непринятия, отныне будет осуществлять попытки вмешательства в инокультурное пространство с целью его «советизации». При этом вопрос о легитимности нарушения границ других субъектов отменялся самой установкой на «освободительный» характер вмешательства.

Ожидавшаяся в тот период либерализация «извне» была бы закономерным следствием такого положения СССР: многие предполагали, что крушение военной диктатуры Великогерманского рейха подкрепит импульс к преодолению тоталитаризма¹. Отчасти так и произошло. Если сталинская социальная политика во многом ориентировалась на скорейшее восстановление и переход к «мирному строительству», то культурная жизнь первого послевоенного года действительно ненадолго ощутила на себе благоприятное влияние деинструментализации искусства. Впервые за долгое время авторитет СССР не нуждался в дополнительном подкреплении, так как статус «страны-победителя» легитимировал всякую политическую инициативу, исходившую от советского руководства².

справедливо выдвигает разгоревшуюся в конце 1940-х гг. кампанию по «борьбе за мир» (см.: *Добренко Е.А.* Поздний сталинизм: эстетика политики: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2020. Т. 2. С. 400–419). Отнюдь не случайно и то, что Т. Шишкова рассматривает внутреннюю культурную политику послевоенных лет как инструмент осуществления новой экспансионистской задачи – создания и предъявления внешнему миру «правильного» образа СССР (*Шишкова Т.* Внеждановщина: советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023).

¹ Позднее Б. Пастернак напишет об этом времени: «...предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» (цит. по: *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго: Роман. Милан: Feltrinelli, 1958. С. 599).

² Рассуждая о специфике культурной ситуации в позднесталинский период, Е. Добренко пишет: «...именно в послевоенное десятилетие они (мифологемы Войны и Победы. – Д.Ц.) сделали сталинский режим абсолютно легитимным и в этом смысле до конца “народным”. Он не только выдержал испытание на прочность, но окреп, а вопросы исторической преемственности как в контексте собственно партийной истории, так и в контексте “большой” истории России были решены теперь, пользуясь сталинской терминологией, “окончательно и бесповоротно”. Именно в эту эпоху завершилось перерождение ранней большевистской идеологии в националистическую и сформировалась так называемая “русская партия”, борьба которой с либеральными и официально-интернационалистскими тенденциями во многом определила развитие послесталинской и постсоветской культуры» (*Добренко Е.А.*

Сталин понимал, что для успешного «экспорта» советского политико-идеологического режима и соцреалистической культуры¹ в освобожденные страны в первые послевоенные месяцы дипломатическая работа должна была предвратить пропагандистский натиск. С мая 1945 г. СССР начинает активно участвовать в деле организации нового мирового порядка, перенося различные вопросы геополитического толка в сугубо советское проблемное поле. Примерно тогда же начинается активная работа по так называемому «премиальному проекту», предполагавшему учреждение международных наград Советского Союза для «прогрессивных» деятелей западной науки и искусства, которые должны были стать альтернативой Нобелевским премиям². Эта трансгрессия означала для homo soveticus'a принципиальную перенастройку «оптики»: задача поиска «внутренних врагов» как бы отошла на задний план, уступив ме-

Литературная критика и институты литературы эпохи войны и позднего сталинизма: 1941–1953 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 380). Действительно, отмеченная исследователем тенденция стала магистральной в послевоенное десятилетие, однако нельзя говорить о том, что весь период позднего сталинизма характеризовался политико-идеологической гомогенностью. Не была однородной и культура этого времени: постоянно накапливавшиеся тенденции причудливо взаимодействовали друг с другом и формировали внешне целое, но внутренне подверженное непрекращавшимся мутациям пространство сталинского эстетического канона.

¹ Первые попытки экспансии соцреализма в «страны народной демократии» относятся уже к началу 1945 г. (см.: *Заславский Д.* Советский писатель в Югославии // Литературная газета. 1945. № 10 (1121). 3 марта. С. 3); промежуточные результаты этой экспансии были видны уже в начале 1950-х (см.: *Онуфриев Н.* Самая передовая литература // Культура и жизнь. 1950. № 36 (164). 31 декабря. С. 3). О насаждении соцреализма в национальных культурах стран «народной демократии» см.: *Пономарев Е. П.* Экспорт и реэкспорт соцреализма: Восточноевропейские литературы в контексте советского толстого журнала (конец 1940-х годов) // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 93–112; *Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses.* London; New York: Anthem Press, 2018.

² Подробнее об этом см.: *Блох А.М.* Советский Союз в интерьере нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005, особенно гл. 5 «1945–1949. Попытка учреждения в СССР премий, альтернативных нобелевским» (С. 271–317) и гл. 6 «1948–1952. Апофеоз идеологического клинча» (С. 318–416); *Цыганов Д.М.* Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // *Rossica. Литературные связи и контакты.* 2022. № 2. С. 191–268.

сто необходимости постоянного наблюдения за переменами во взаимодействии Советского Союза – «вдохновителя Европы» (И. Эрenburg) – с другими государствами. Уже 29 сентября 1945 г. Оргбюро ЦК приняло специальное постановление «Об улучшении советской пропаганды за рубежом»¹, в котором специальной комиссии в составе тридцати партфункционеров было поручено

заслушать на своих заседаниях отчеты следующих организаций, ведущих пропагандистскую и информационную работу за рубежом: ВОКС, ТАСС, Комитета по делам радиовещания, Издательства литературы на иностранных языках, «Международной книги», Иностранной комиссии Союза советских писателей, Комитета по делам кинематографии, международного отдела ВЦСПС, Государственной библиотеки им. Ленина, антифашистских комитетов – ученых, женщин, молодежи, Всеславянского².

А к 8 августа 1946 г. в секретариате Жданова разработали проект постановления ЦК «О Совете по руководству международной пропагандой в зарубежных странах и освещению международных событий в советской печати»³, который предполагал создание специальной организации в составе А.А. Жданова, Г.Ф. Александрова, С.А. Лозовского, М.А. Сулова, А.Я. Вышинского, Г.С. Шикина, П.Н. Поспелова, Л.Ф. Ильичева, Н.Г. Пальгунова и А.А. Пузина. Основной миссией этого ведомства было «разоблачение и опровержение в зарубежной и советской печати антисоветской клеветы английских, американских и других газет и журналов»⁴. Иначе говоря, перед партийцами стояла задача организовать всесторонний контроль над каналами снабжения Запада советской идеологией. При этом после победы в войне надобность в оправдании сталинского режима исчезла, а каждый советский человек, будучи принадлежностью этого режима, до некоторой степени становился арбитром, дающим оценку внешнеполитической обстановке. Тем самым две политические сферы – внутригосударственная и дипломатическая – объединялись, многократно

¹ См.: [Протокол № 234 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1945 г., пункт 5]. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Ед. хр. 234. Л. 9–10. Документ опублик. в кн.: Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005. С. 26–27.

² Сталин и космополитизм. С. 27.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Ед. хр. 155. Л. 16. Документ опублик. в кн.: Сталин и космополитизм. С. 55–56.

⁴ Сталин и космополитизм. С. 56.

расширяя зону компетенции и, как следствие, сферу влияния советской власти¹.

Партийное руководство, в первые послевоенные годы охваченное азартом очередного геополитического противостояния, не могло ограничиться в своих действиях лишь оборонительными мерами. Недостаточно было наладить практику фильтрации информационного потока, шедшего с Запада; следовало организовать встречное идеологическое противодействие при помощи хорошо освоенных советской пропагандой форм критической реакции. «Вредные» тексты не доходили до советского читателя, что, впрочем, не мешало этому читателю производить над ними свой строгий эстетический суд в духе расхожей в несколько более поздние годы формулы «не читал, но осуждаю». Главным доказательством «идейной порочности» таких текстов были газетные передовицы и многочисленные публицистические выкладки «квалифицированных специалистов» в области современной западноевропейской литературы. При этом такая опосредованная читательская оценка закономерно касалась не столько эстетической стороны попросту не переведенных на русский язык текстов (для большинства рядовых читателей они были недоступными), сколько их идейного наполнения.

2.

Жившие в СССР интеллектуалы и представители интеллигенции (в основном, конечно, гуманитарной и творческой) открыли для себя творчество Ж.-П. Сартра (1905–1980) еще в 1930-е гг. Так, И.Г. Эренбург, вспоминая о событиях 1939 г., в мемуарах пишет:

В мае в Париже была Международная антифашистская конференция. <...> Однажды Фернандо Херасси привел ко мне молодого застенчивого писателя, с которым дружил. Звали его Жаном Полем Сартром. Он косил, и поэтому казалось, что он хитрит, но говорил он о своем отчаянии простодушно. Он подарил мне книгу «Стена»; рассказы были тоже об отчаянии².

¹ Именно поэтому оккупационная практика не вызвала даже малейшего идейного противления в обществе, которое само лишь недавно одолело жаждавшего территориальных приращений противника. Всякий человек, подверженный влиянию государственной пропаганды (т. е. подавляющее большинство советских людей), оценивал эти вмешательства в жизнь других государств как правомерную и абсолютно заслуженную привилегию Страны Советов.

² Цит. по: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 2. С. 198–199. Ссылки намеренно даются не по первому неполному изданию мемуаров Эренбурга (М.: Советский писатель, 1961–1966), а по исправленной

Через несколько месяцев после описанных Эренбургом событий в «Литературной газете» появилась небольшая статья-рецензия К.Л. Зелинского «Книга о “черных” героях»¹, посвященная тому самому подаренному Эренбургу сборнику «Стена» (1939). В этой почти безобидной заметке критик бегло пересказал некоторые из вошедших в «любопытную книгу» новелл – «Герострат» (“Erostrate”, 1939), «Интимность» (“Intimité”, 1939), «Комната» (“La chambre”, 1939), «Стена» (“Le mur”, 1939) – и отметил, рассуждая об идейном компоненте сартровской прозы:

Мы часто не умеем ценить нашу советскую литературу, привыкнув к ее здоровью, как к воздуху, который мы не замечаем, потому что дышим им. А есть и такие [читатели], которые даже считают «хорошим тоном» читать только иностранную переводную литературу, пожимая плечами при упоминании литературы нашей. Читая Сартра, я с жалостью подумал об этих людях. Достаточен один глоток атмосферы этой книги, чтобы глубоко ощутить радость того, что вот мы все живем и видим мир совсем по-другому².

Подчеркнем, что Зелинский лишь указывает на мировоззренческие нестыковки между *соцреалистическим* и *модернистским* методами художественного осмысления мира, но отнюдь не утверждает ущербность последнего (на этот «промах» обратит внимание и сотрудница «Интернациональной литературы» Нора Галь в заказанной ей и в итоге не напечатанной разгромной статье). В нескольких резких суждениях Зелинского еще нет той безапелляционности, которую критические выпады против французского автора обретут в середине 1940-х гг. Примечательно, что именно Сартра советское литературоведение сделает главным антиподом культу-

и дополненной публикации (в 1990 г. были напечатаны все семь книг) с комментариями Б.Я. Фрезинского. Эренбург пишет о том, что встречался с Сартром до войны дважды, но оба раза обстоятельства их короткого общения были случайными. Далее в воспоминаниях писатель вновь обращается к вышеприведенному эпизоду знакомства: «Познакомившись с Сартром, я увидел человека умного, скромного, который тяготился своей славой, называл ее “дурацкой”, – он хорошо знал, что многие, говорившие о нем с благоговением или возмущением, не прочитали ни одной из его книг» (цит. по: *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 170).

¹ См.: Литературная газета. 1939. № 44 (823). 10 августа. С. 2.

² Там же. До этого в том же духе высказалась референт по Франции в Иностранной комиссии Союза писателей Н.О. Камионская, которая в апреле 1939 г. подготовила обзор книг, потенциально способных фрагментарно или целиком появиться на страницах журнала «Интернациональная литература» (Камионская называет Сартра «писателем несомненно очень талантливым»).

ры социалистического реализма, а всех «буржуазных» писателей прозовет «сартроподобными изуверами» (Б.А. Песис). В период войны на первый план выдвинулась проблема национальной специфики официального советского искусства¹, поэтому в контексте военных лет вряд ли можно говорить об отчетливой динамике в отношении к зарубежным авторам. Обоострение идеологической обстановки после выступления будущего лауреата Нобелевской премии по литературе (1953) У. Черчилля с Фултонской речью в Вестминстерском колледже 5 марта 1946 г. и последовавшего вскоре ответа И. Сталина, 14 марта 1946 г. опубликованного в «Правде» в формате интервью корреспонденту партийной газеты², изменило характер западно-советских культурных взаимодействий.

Е. Добренко, описывая эволюцию романной формы в русской литературной традиции XX столетия, отмечает: «Соцреализм может рассматриваться в качестве эстетической утопии – он отменял историю, воссоздавая романную эстетику так, как если бы модернизма не существовало»³. Этот тезис ученого уже на первый взгляд сомнителен, а в приближении и вовсе видится ошибочным. Соцреалистическая литературная практика изначально преподносилась теоретиками как своеобразная альтернатива «старому» искусству, доминирующей линией которого был погруженный в эстетический кризис «декаданс» (т. е. «модернизм» рубежа веков). Из этого следует, что установка на конфронтацию, конкурентное противостояние – черта, изначально присущая сталинскому культурному дискурсу⁴. Кроме того,

¹ Советский литературный проект становился «многонациональным» лишь тогда, когда этого требовала политическая повестка. Необходимость в сплочении провоцировала партийную верхушку искать все возможные инструменты для его осуществления, прежде всего в пространстве официальной культуры. Такое сплочение причудливым образом монтировалось с усиливавшимися национал-большевистскими настроениями: в национальной перспективе этнические границы буквально стирались, а «великая русская культура» становилась тем самым «синтезом», итогом сталинской «диалектики». Эту тенденцию развития советской идеологии уже в те годы начали осознавать на Западе. Так, 3 января 1944 г. американский еженедельник «Time» в связи с утверждением нового гимна в статье «Songs for a New World» напишет, что «Москва дала еще одно доказательство того, что советский цикл от мировой революции к национализму завершен».

² См.: Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. № 62 (10144). 14 марта. С. 1.

³ Добренко Е.А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 15.

⁴ Еще в речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. А. Жданов отмечал: «...в свете успехов нашей советской литературы еще больше и резче выявляется вся противоположность между нашим строем –

сталинское литературоведение искусственно противопоставляло образцы «модернистской» культуры так называемому «критическому реализму» – «прогрессивному» течению западной литературы; потребность в более подробной дифференциации западного литературного «модернизма» отсутствовала, так как эффект «недоразвитости» этой эстетической системы выгодно оттенял «многообразие» литературы соцреализма¹. Т. Мотылева еще летом 1947 г. в статье «Русская литература на Западе» на материале литературы XIX столетия сформулировала центральный тезис, на котором основывались советско-западные культурные контакты позднесталинского периода: «Кризис западного реализма совпал с расцветом и подъемом реализма русского»². Тогда же Д. Заславский, вспоминая Шпенглера, пророчил «закат Европы» и писал: «Разложению пессимистической литературы на Западе соответствует, как противоположность, рожденная жизнью, – расцвет советской литературы»³. Этим же вызван живой интерес советской стороны к характеру восприятия сталинской культуры западными критиками. Еще в военные годы Иностранная комиссия Союза советских писателей начала пристально наблюдать за постоянными изменениями во взглядах на соцреалистическую литературу и готовить подробные многостраничные обзоры критических работ англо-американских авторов⁴. Акцент в таких обзорах закономерно делался на комплиментарных оценках, попытки говорить об отсутствии в писательском сообществе «интеллектуальной независимости» клеймились как «происки внешних врагов», стремящихся

строем победившего социализма – и строем умирающего, гнивающего капитализма» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934. С. 3). Тогда же М. Горький провозглашал: «...наша литература обогнала западную новизною тем, и напомним, что многие из наших литераторов оценены на Западе еще более высоко, чем у себя на родине» (там же. С. 17). Ему вторил и К. Радек: «Наша литература – уже первая литература мира, если даже наше мастерство отстает еще от западной литературы» (там же. С. 318).

¹ Эта же идея, как представляется, лежала в основе доклада «Советское искусство и его отношение к буржуазному искусству» А. Дымшица, прочитанного по-немецки в ноябре 1947 г. в Доме советской культуры в Берлине.

² Мотылева Т. Русская литература на Западе // Литературная газета. 1947. № 30 (2345). 19 июля. С. 2.

³ Заславский Д. Конец и начало // Литературная газета. 1947. № 52 (2367). 5 ноября. С. 3.

⁴ Один из таких обзоров был подготовлен в мае 1944 г. и был посвящен советской литературе 1943 – начала 1944 гг. в оценке западных критиков; фрагмент этого обзора опубликован в кн.: «Мы предчувствовали польуханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941–сентябрь 1945 г. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2. Кн. 2. С. 152–158.

«подорвать авторитет великой русской культуры». После победы в войне, в период позднего сталинизма, мысль о своеобразии советской официальной культуры и ее дистанцированности от проявлений западноевропейского «декадентства» просто не нуждалась в дополнительной аргументации. В этом контексте у массового реципиента и начало складываться весьма специфическое, принципиально отличное от довоенного, отношение к зарубежной литературе конца XIX – начала XX вв.

3.

Первым текстом Сартра, опубликованным по-русски лишь в конце июня – начале июля 1953 г.¹, стало написанное в 1946 г. программное эссе «Экзистенциализм – это гуманизм»² (пер. М. Грецкого; М.: Издательство иностранной литературы, 1953). Брошюра была выпущена в виде приложения к бюллетеню «Новые книги за рубежом» с издательским предисловием и рассылалась читателям по специальному списку. В этом предисловии осторожно намечалась тенденция к реабилитации взглядов Сартра: «...идеалистические и реакционные черты экзистенциализма выражены в творчестве Сартра *крайне осторожно и завуалированно* и позволяли ему на протяжении последних 10–12 лет говорить о своей близости к марксизму в ряде философских проблем, солидаризоваться по отдельным частным вопросам с позицией Французской коммунистической партии и выступать с “левой” фразой»³.

Однако рядовой советский читатель уже был заочно знаком с творчеством французского автора⁴. В течение всей позднесталинской эпохи на

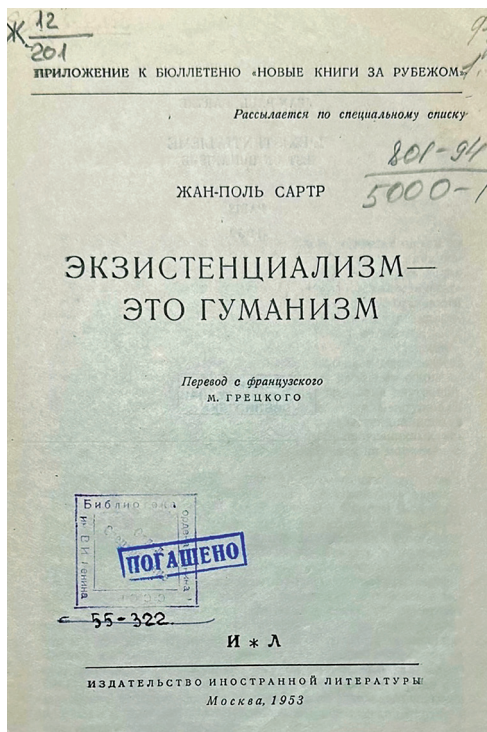
¹ Книга была подписана к печати 19 июня 1953 г. и опубликована вскоре в типографии журнала «Пограничник» без отметки о тираже. Корректором издания была Н.И. Мильчина.

² Уже один этот факт опровергает довод Т.В. Балашовой о том, что «Сартр <...> стал доступен российскому читателю, не знавшему французского, сначала теми произведениями, которые к теории экзистенциализма не имели прямого отношения, и лишь значительно позднее – в 90-е г. – своими ключевыми книгами» (Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 404).

³ *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. С. 3; курсив мой. – Д.Ц.

⁴ К сожалению, эта принципиально важная деталь была упущена Шарлоттой Боллаэрт при создании магистерской работы о рецепции произведений Сартра и Камю в СССР (см.: *Bollaert Ch.* Советская судьба французских экзистенциалистов: анализ восприятия переводов произведений Жан-Поля Сартра и Альбера Камю. Gent:

страницах газет и «толстых» литературно-художественных журналов то и дело появлялись статьи и сообщения, посвященные резкой критике его эстетической или мировоззренческой позиций. (Для точности отметим: несмотря на отсутствие переводов, его философские и художественные тексты были доступны на французском языке и в Ленинской библиотеке, и в Библиотеке иностранной литературы.) Во второй половине 1940-х гг. Сартр, тогда уже прямо говоривший и писавший о смежности его идей с марксизмом¹, тем не менее позиционировался пропагандой как идейный враг, якобы стремившийся подвергнуть тотальному отрицанию эффективность авторитарной управленческой модели. Л.Г. Андреев писал по этому поводу:

Сартр точно определил то противоречивое и двусмысленное положение, в котором оказывались коммунистические партии: прогрессивные и революционные по своей идее (а эта идея и вызывала у Сартра желание объединиться с рабочим классом), они становились консервативными даже по стилю мышления и методам борьбы, коль скоро целью оказывалось одобрение и поддержка того, что делалось в СССР. <...> Коммунисты – так полагал

[Б. и.], 2014). Несмотря на то что исследователь сосредотачивается на переводах художественных текстов, упоминание о критическом характере восприятия экзистенциализма в позднесталинскую эпоху могло бы серьезно дополнить и детализировать предложенную в работе рецептивную схему.

¹ Подробнее об этом см.: *Постер М.* Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции: От Сартра к Альтюссеру // *Философско-антропологические исследования.* 2008. № 3–4. С. 86–123.

Сартр – никогда не спорят, не отвечают своим противникам, они их дискредитируют («полицейский, шпион, фашист»). Писатель относительно компартии все равно, что герой Кафки относительно невидимых судей, вынужденный в каждом слове себя оправдывать, доказывать свою невиновность. Он не только предполагаемый виновный, но козел отпущения всех ошибок партии, всех политических чисток¹.

Вопрос о философском «фундаменте» сартровских взглядов решался без всяких нюансировок, о чем свидетельствует хотя бы печально известная статья Заславского «Смертяшкины во Франции», появившаяся в «Правде» в конце января 1947 г. Критик писал:

...идеи экзистенциализма весьма портативны, и их нетрудно изложить в немногих строках. Сам Сартр не претендует на особую оригинальность. В родословном древе экзистенциализма значатся мракобесы средневековой теологии. Ближайшими своими учителями Сартр называет датского мистика Сёрёна Киркегора (1813–1855) и современного немецкого профессора Хейдеггера, превратившего университет Фрейбурга в фашистское стойло для молодых эсэсовцев. В опоганенных аудиториях этого университета изготовлялась «философская» надстройка над печами Майданека².

Более важным, таким образом, оказывалось то обстоятельство, что отвергались не теоретические воззрения Сартра, в известной степени смыкавшиеся с идеями поруганных еще в конце 1920-х – начале 1930-х гг. феноменолога Э. Гуссерля и экзистенциалиста М. Хайдеггера³, а именно итоги

¹ Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр: свободное сознание и XX век. М.: Geleos, 2004. С. 231–232.

² Заславский Д. Смертяшкины во Франции // Правда. 1947. № 21 (10412). 23 января. С. 4. См. Приложение 2 к настоящей статье. Сартр опубликовал незамедлительный ответ на эту статью уже в феврале в «La Gazette de Lausanne». Выход статьи Заславского стал поводом к появлению риторически сходных текстов. Неслучайно именно тогда появляются статьи Г. Гака «Модное течение в буржуазной философии» (Большевик. 1947. № 3), Б. Песиса «Литературно-философский парад Сартра» (Знамя. 1947. № 4), М. Баскина «Философия распада и гниения» (Театр. 1949. № 5), Ю. Жукова «Философия предателей» (Знамя. 1949. № 9), Т. Бачелис «Черная драматургия французских космополитов» (Театр. 1950. № 6).

³ Подробнее о характере рецепции и реализации идей Гуссерля и Хайдеггера в интеллектуальном пространстве раннего СССР см.: *Dennes M. Husserl – Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie.* Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998.

его писательской деятельности¹, за которыми советская пропаганда, если судить по публицистике тех лет, следила очень пристально. В различных институтах проходили специальные собрания, посвященные критике эстетических воззрений Сартра. Отчеты о них публиковались в центральной прессе. Одним из самых характерных примеров такого отчета может служить опубликованное в середине декабря 1946 г. сообщение о двух докладах, прочитанных на заседании Иностранной комиссии Союза советских писателей:

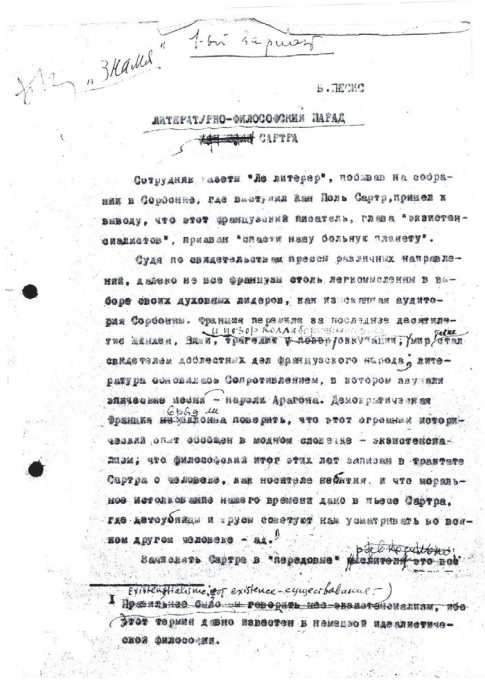
На-днях в клубе писателей состоялся вечер Иностранной комиссии ССП, на котором были прочитаны доклады А. Лейтеса «Философия на четвереньках» (критические замечания о трактате французского писателя Жан-Поль Сартра «Бытие и небытие») и Б. Песиса о литературных произведениях Сартра.

А. Лейтес подверг резкой критике антигуманистические взгляды Сартра, изложенные в его трактате «Бытие и небытие».

– Сартр, – указывает докладчик, – стал модным философом и писателем в буржуазных кругах послевоенной Европы. Вокруг его книг поднята шумиха. В своих произведениях он говорит о невыносимой, безысходной случайности человеческого существования. Внешнее наукообразие трактата «Бытие и небытие» прикрывает крайнюю антинауочность и произвольность рассуждений Сартра. Эклектическая философия Сартра – своеобразная помесь идеалистических теорий Гуссерля и концепций Фрейда. Онтология (учение о бытии) превращена у Сартра в психопатологию. Ее исходный пункт – в рассуждении о человеке, как о «животном антиобщественном». Точка зрения Сартра на сущность человека, как некоего духовного Робинзона, искусственно вырванного из совокупности общественных отношений, создает патологические, аномальные образы.

Проникнутое такой философией творчество Сартра оплевывает человека, ставит его на четвереньки, заслоняя клиническими сценами правдивое

¹ Одним из весомых мотивов этой неприязни было творческая и идейная смычка Сартра с поруганным в те годы Достоевским, которого французский автор цитирует в эссе «Экзистенциализм – это гуманизм»: «Достоевский некогда написал: “Если Бога нет, то все позволено”. Именно здесь находится отправная точка экзистенциализма» (подробнее об этом см.: *Фокин С.Л.* Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013. С. 235–247). Противоположная и, как представляется, не вполне убедительная точка зрения представлена в: *Вавилова В.Ю., Просветов С.Ю.* Интерпретация идей Ф.М. Достоевского в творчестве французских экзистенциалистов // *Культура. Духовность. Общество.* 2015. № 19. С. 59–63.

Экз. статьи Б. Песиса
«Литературно-философский парад Сартра»
(Знамя. 1947. № 4) с редакторской правкой
(РГАЛИ)

изображение современности. Между тем Сартр, участвовавший в движении сопротивления немцам, желает быть активным участником современной эпохи. Вот отчего свою философию отчаяния он пытается одновременно представить, как проповедь «активизма». Но нельзя быть подлинным, действенным антифашистом, сохраняя в себе элементы цинического отношения к человеку. В парадоксальных и противоречивых рассуждениях Сартра выражены элементы той демагогии и авантюризма, к которым на современном этапе прибегают буржуазные философия и литература, тщетно ищущие опоры в массах. Тем более необходимо, – заключает докладчик, – разоблачать подлинную сущность упадочной идеологии Сартра и его последователей.

Соглашаясь с А. Лейтесом в его оценке философских

позиций Сартра, Б. Песис анализирует романы Сартра и доказывает несостоятельность утверждений тех западных буржуазных критиков, которые пытаются изобразить Сартра новатором. По мнению докладчика, этот писатель лишь завершает определенный этап в том направлении западной литературы, которое проникнуто глубоким пессимизмом и стремится принизить человека. Романы и пьесы Сартра пытаются доказать, что гнусное, пошлое буржуазное существование – это только одно из проявлений «бессмысленности» человеческого существования вообще.

Произведения Сартра, построенные на подобного рода «тезисе», искажают историческую правду. Схемы, из которых исходит Сартр, калечат и уродуют его произведения. В его книге «Отсрочка» принижена пережитая Францией в мюнхенские дни драма, которую он трактует, как некий «клинический случай» в истории. В своих произведениях Сартр, несмотря на

опыт окажется чрезвычайно важным для постсталинской литературы и, в частности, для прозы В.Т. Шаламова¹.) Это расхождение во взглядах в итоге и привело к ужесточению критической риторики по отношению к мировоззренческим ориентирам и литературным опытам философа. Так, например, выпускник Высшего литературно-художественного института им. В.Я. Брюсова (1925) Я.В. Фрид в статье «Философия неверия и равнодушия: Жан-Поль Сартр и современный буржуазный индивидуализм»² предложил довольно подробную критическую характеристику сартровской художественной прозы, а Н.А. Каринцев несколькими месяцами позднее писал о новом драматическом сочинении Сартра «Мертвые без погребения» (*Morts sans sépulture*, 1946):

Вся омерзительная сущность сартровской «философии» сказалась в его новой пьесе, где проповедь отказа от борьбы и погружения в nirvanу обращена к людям, которые отдали свою жизнь в беззаветной борьбе с фашизмом. Какая злая ирония звучит в названии пьесы – «Победители!» Сартр втаптыкает в грязь это прекрасное, светлое слово и тех, кого он осмеливается описывать под именем «победителей»³.

Кроме того, весьма показательное замечание Каринцева касается пьесы Сартра «За закрытыми дверями» (*Huis clos*, 1943):

Его первая пьеса, «При закрытых дверях», выдержала только в одном парижском театре «Вье коломбье» 300 спектаклей. Сейчас она идет в Нью-Йорке, Брюсселе, Женеве и Стокгольме, где ее оценили поклонники Сартра. На

реальной жизни и особенностям художественной индивидуальности, которая, если она действительно достойна этого названия, не может не отражать в себе интересов, устремлений и порывов народа» (*Рыльский М. Пятилетка и литература // Литературная газета. 1946. № 20 (2283). 9 мая. С. 3*). На практике тенденция к планированию выразилась в писательских заметках (Алигер, Асеева, Иванова, Лебедева-Кумача, Михалкова, Пришвина и других), объединенных в раздел «Наш первый послевоенный год» и помещенных следом за статьей Рыльского в том же номере «Литературной газеты». В 1947 г. «Литературная газета» посвятит несколько разделов в разных номерах теме «Новая сталинская пятилетка и литература» (см.: Литературная газета. 1947. № 12 (2327). 22 марта. С. 3; № 14 (2329). 5 апреля. С. 3).

¹ Подробнее об этом см.: Джагалов Р. Варлам Шаламов и пути советского экзистенциализма // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова: Материалы конференции. М.: [Б. и.], 2007. С. 55–72.

² Литературная газета. 1946. № 43 (2306). 19 октября. С. 3. См. Приложение 3 к настоящей статье.

³ Каринцев Н. Пропаганда маразма и безумия // Литературная газета. 1947. № 14 (2329). 5 апреля. С. 4. Текст Каринцева приведен в приложении к настоящей статье.

сцене показан ад; в нем осуждены на вечные муки две женщины и мужчина. В сартровском «аде» нет ничего мистического – это шаблонная комната третьеразрядного отеля. Лакей объясняет «клиентам», что ни крючьев, ни кипящей смолы здесь нет. И, действительно, весь «ад» состоит в том, что эти три человека мучают друг друга. Но смерть, как избавление, невозможна в «аду», и пьеса кончается мрачной репликой одного из ее героев: «Ну что ж, давайте продолжать». Такова эта оскорбительная и лживая пародия Сартра на человеческое «бытие»¹.

Понятно, что партийные критики не могли пройти мимо этой сартровской пьесы: ад в ней показан привлекательнее, чем воспетый в литературе соцреализма коммунально-колхозный «коммунистический рай»... Дабы избежать нежелательных параллелей, советская литературная критика сосредоточилась на попытке убедить несведущего читателя в «катастрофичности» сартровского мироощущения, его дистанцированности от «передовых идей». Ясно и то, что читательской публике, чей круг чтения определялся приматом «снабжения», в те годы куда больше пришелся по душе второй роман «давнего друга СССР» и «антикапиталистического писателя» Анри Барбюса «Ад» (*L'Enfer*, 1908), избранными фрагментами публиковавшийся в прессе и «толстых» журналах. Меж тем в сталинскую эпоху представление о «правильности» того или иного произведения формировалось сугубо практически. Сами писатели в процессе чтения чужих книг усваивали те схемы (идеологические, образные, сюжетные), на которых они строились, и стремились воспроизвести их в собственных текстах в надежде на повторный успех. Именно поэтому литературная критика всячески старалась представить тексты Сартра (особенно драматические²) как принципиально

¹ Там же.

² Дело в том, что положение в советской драматургии в 1940-е гг. было крайне тяжелым. Уже с конца 1930-х наметился серьезный кризис в этой области писательского творчества, лишь усугубившийся в послевоенную эпоху. Область драматургии постепенно захватывалась «драмаделами» вроде А. Софронова, А. Сурова и Н. Вирты, воцарившимися в Союзе писателей и безраздельно распоряжавшимися тиражами, репертуаром и премиями. Фактическая неприкосновенность даровала им право создавать «поделки», хоть и походившие формально на традиционные пьесы, но лишённые основного драматургического компонента – конфликта. Эти карьеристы от литературы прекрасно понимали шаткость своего положения и, равно как и прочие партработники, боялись конкуренции и потенциально дискредитирующей критики. Именно поэтому и была организована серия идеологических погромных кампаний, в результате которой были последовательно устранены все поборники «искусства ради искусства». Пьесы Сартра в данном случае выступали в роли выгодного контекста, позволявшего легитимировать «бесконфликтность» советской драматургии.

чужеродные, органически не сопряженные соцреалистической эстетике, которая к тому времени уже обрела довольно четкие очертания.

4.

К середине – концу 1947 г. почти стабилизировалась «теория социалистического реализма», которая после массированного вмешательства партии в дела советского искусства потребовала пересмотра и переосмысления. «Спор о порочной методологии Веселовского» как этап борьбы с «низкопоклонством перед Западом» завершился к марту 1948 г., когда на страницах «Культуры и жизни» появилась редакционная статья «Против буржуазного либерализма в литературоведении» с подзаголовком «По поводу дискуссии об А. Веселовском». В ней утверждалось:

Нетрудно понять политический смысл всей кампании, направленной к вящему прославлению Веселовского. Эта фигура извлечена на поверхность не случайно. Веселовский является ныне знаменем безыдейной, либерально-объективистской науки, а восхваление его научных приемов есть не только пережиток буржуазных взглядов на историю литературы, но и активная попытка со стороны некоторых ученых вернуть советскую науку к традиции буржуазного литературоведения. Воскрешение Веселовского является фактом отнюдь не прогрессивным¹.

И далее:

Дискуссия, прошедшая в журнале «Октябрь», отдельные выступления «Литературной газеты» не принесли ничего, кроме вреда. Защитники Веселовского лишний раз показали, что под сенью юбилейного славословия в честь «гиганта русской науки» скрывается попытка возродить чуждые нам традиции безыдейного и антипатриотического буржуазного литературоведения. «Критики» Веселовского боялись сказать это прямо, они пожелали остаться в рамках «академической объективности». Тем самым они отступили от принципа большевистской партийности в литературе – главного принципа для каждого советского литературоведа².

¹ Против буржуазного либерализма в литературоведении, [редакционная] // Культура и жизнь. 1948. № 7 (62). 11 марта. С. 3.

² Там же.

Столь серьезная реакция на дискуссию в «Октябре»¹ определялась тем, что в ее ходе традиционное представление о соцреалистической эстетике, установившееся во второй половине 1930-х гг., было поколеблено усилиями ряда критиков. Сердцевиной этого спора стала полемика О. Грудцовой и Б. Бялика, сущность которой прочитывается уже по заглавиям их статей, опубликованных в 1947–1948 гг. В ответ на статью Фадеева «Задачи литературной критики» («Октябрь». 1947. № 7) Грудцова опубликовала работу «О романтизме и реализме» («Октябрь». 1947. № 8). Бялик же через несколько месяцев ответил на нее статьей «Надо мечтать!» («Октябрь». 1947. № 11). Грудцова отреагировала на построения Бялика резко критически, что выразилось даже в заглавии следующей статьи – «В плену схемы» («Октябрь». 1948. № 2), на что оппонент тут же возразил заглавием-тезисом «Героическое дело требует героического слова» («Октябрь». 1948. № 2). Важно, что различные аспекты этого спора будут то и дело актуализироваться в литературно-критических статьях вплоть до Второго съезда Союза писателей в 1954 г., превращая сферу советского официального искусства в пространство полемики о сущности «основного метода». Но никуда не исчезнут и интенсивно доносившиеся упреки в «абстрактном теоретизировании»², заглушить которые можно было лишь при помощи педальирования исключительных успехов в соцреалистической писательской практике. Именно поэтому уже летом 1948 г. руководство «Октября», изо всех сил стремившееся сгладить неоднозначное впечатление от состоявшейся дискуссии, будет обвинено в отсутствии самокритики, господстве «местнических настроений», «самозахваливании», завышении и «выпячивании» собственных заслуг и нарочном преуменьшении достоинств иных литературно-художественных журналов³.

Поворотным пунктом в процессе «отвердения» соцреалистической литературной теории стал выход в 1947 г. (на титуле – 1948 г.) в изда-

¹ Детали этой дискуссии ранее подробно освещались в научной литературе. См., например: *Кормилов С.И.* Из истории антиэстетической антимысли: Литературная критика послевоенного десятилетия о реализме, типическом и герое советской литературы // Из истории русской эстетической мысли. СПб.: Образование, 1993. С. 153–172; *Добренко Е.А.* Литературная критика и институты литературы эпохи войны и позднего сталинизма: 1941–1953. С. 401–416.

² Именно этим объясняется разгром сборника теоретических статей «Советская литература», появившегося в «Гослитиздате» в 1948 г. (см.: *Озеров В.* Неудавшийся сборник // Литературная газета. 1948. № 67 (2450). 21 августа. С. 3).

³ См.: *Макаров А.* О критическом отделе журнала «Октябрь» // Литературная газета. 1948. № 63 (2446). 7 августа. С. 3.

тельстве «Советский писатель» сборника «Проблемы социалистического реализма»¹, в редакционную коллегию которого вошли Б. Бялик, В. Ермилов, Л. Субоцкий и В. Щербина. Книга явилась итогом работы специальной Комиссии теории литературы и критики Союза писателей. Этот том был сопровожден нейтральным вступлением от издательства, в котором сообщалось, что «не все положения статей, входящих в этот сборник, бесспорны, некоторые из них носят дискуссионный характер. Издание настоящего сборника должно послужить толчком для широкого обсуждения вопросов нашей литературной теории, для углубленной разработки творческого опыта советской литературы, уже имеющей за собою тридцатилетний путь развития и роста»². Очевидно, что никакого «широкого обсуждения» после весьма однозначных суждений Фадеева, изложенных в статье «Задачи литературной теории и критики»³, не предполагалось: все тексты, включенные в сборник, так или иначе развивали предложенную «литературным генсеком» точку зрения на соцреализм. В этот том, помимо вышеупомянутой работы Фадеева, вошли статьи Т. Мотылевой («Мировое значение советской литературы»), Б. Бялика («Горький и социалистический реализм»), Е. Тагер («Горький и проблемы советской литературы»), Б. Яковлева («Ростки коммунизма и советская литература»), В. Кирпотина («Пафос социального воспитания»), Я. Эльсберга («Наши ближайшие предшественники»). Заключительным материалом в сборнике стала принципиально важная для нашей темы статья Я. Фрида «Социалистический реализм и современная декадентская литература», отнюдь не случайно почти наполовину посвященная творчеству Сартра.

Статья Фрида – один из ярчайших «антимодернистских» манифестов позднесталинской эпохи. В ней критик ставит под сомнение мысль о продуктивности развития почти всей западноевропейской литературы первой

¹ Основной каркас сборника был готов уже к началу осени 1947 г. Книга была подписана к печати 16 октября 1947 г. Одним из первых откликов на выход тома стала редакционная статья «Проблемы социалистического реализма» в «Литературной газете» (1948. № 47 (2430). 12 июня. С. 3).

² От издательства // Проблемы социалистического реализма: Сб. статей. [М.]: Советский писатель, 1948. С. [5].

³ В основу этой статьи, печатавшейся под разными названиями, лег текст выступления Фадеева в конце июня 1947 г. на XI пленуме правления ССП; позднее доклад был напечатан в «Литературной газете» (см.: Советская литература после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Доклад генерального секретаря ССП СССР тов. А. Фадеева // Литературная газета. 1947. № 26 (2341). 29 июня. С. 1–2). Окончательная расширенная (более, чем на десять страниц печатного текста) редакция текста датирована 1956 г.

половины XX в. Однако самое большое неудовольствие у него вызывает именно творчество «экзистенциалистов» – «специалистов по обесмысливанию бытия человеческого». Так, Фрид, ссылаясь¹ на уже упомянутое нами эссе «Экзистенциализм – это гуманизм» (*L'existentialisme est un humanisme*, 1946), писал:

«[п]афос» декадентского индивидуализма – в презрительном снисхождении к слабостям человека. Человек не совершенен. «Роковым» несовершенством людей объясняется несовершенство частнособственнического общества. Человек обречен на чисто обезьянье непостоянство, его мысль, его поступки всегда лишены последовательности <...>; он – игралище своих инстинктов, импульсов <...>; разум его сумеречен, слаб².

Главный упрек в адрес «декадентской эстетики» состоял в культивации декомпозированной личности:

...декадентская литература пришла к распаду искусства, к отказу от всех традиций критического реализма, к искусственному упрощению человека, к отрицанию целостности характера и превращению целостного характера во множество статичных, простейших состояний психики³.

Дело в том, что в понимании советских теоретиков культуры пресловутая «концепция личности» оказывалась осевым элементом произведения искусства, поэтому цельность героического типа трактовалась как едва ли не ключевой параметр «удачного» соцреалистического текста и закономерно определяла иллюзорную аксиологическую перспективу этого текста. Нет ничего удивительного в том, что этот параметр в применении

¹ Примечательно, что Фрид дает ссылки на тексты Сартра по французским изданиям, что еще раз подтверждает факт их доступности в Советском Союзе. При этом поражает объем привлекаемых источников: Фриду были доступны не только художественные тексты, но и публицистика Сартра.

² *Фрид Я.* Социалистический реализм и современная декадентская литература // Проблемы социалистического реализма. С. 366.

³ Там же. С. 373. Здесь и далее разрядка автора. – *Д.Ц.* Позднее, уже в начале 1950-х гг., обвинения в «схематизме» распространятся и на произведения советской литературы, чьи авторы сознательно или неосознанно отклонились от примата социалистического реализма (см., например: *Озеров В.* Против литературных схем, обедняющих жизнь // Правда. 1951. № 290 (12127). 17 октября. С. 2–3).

к «натуралистическому»¹ методу Сартра давал отрицательный результат: «По Сартру, – продолжал Фрид, – только смерть раскрывает “реальную” ценность действий человека – ценность, которая... равна нулю. <...> Отсюда цинично-релятивистское отрицание всех моральных ценностей»². Не обошел вниманием Фрид и вопрос о жанровой специфике «декадентского» искусства. В типичной для работ такого плана оппозитивной манере критик стремился показать «ущербность» западной литературы с присущей ей тенденцией к «распадающейся» романной форме на фоне «цветущего» социалистического реализма с его тягой к монументальности текста:

Сартр, доводя до окончательного развития приемы композиции Джойса и Дос-Пассоса³, рубит роман на кадры и кадрики, перемешивает их – и в каждом отрезке перед нами клочок «внутреннего монолога» какого-то одного «конкретного» человека и клочок его «индивидуального» времени. <...>

Кадрики Сартра разбивают существование героя на хаос отдельных состояний, не связанных друг с другом: каждое состояние может быть «независимым» от предшествовавших состояний, от цельности характера⁴.

Тенденция к фрагментарности в советской литературе, будучи едва ли не центральным стилевым ориентиром 1920-х – начала 1930-х гг. (в частности, в «метельном» стиле раннесоветской прозы⁵), оказалась по-

¹ Фрид пишет об этом: «Конечно, физиологизм натурализма подготовил почву для формирования биологизма современного декадентства. <...> Для современных декадентов “несовершенство” человека – неизменно. Физиологизм – одна из самых слабых сторон натурализма. Эстетика социалистического реализма последовательно борется с опасностью влияния натурализма на отдельных советских писателей» (Фрид Я. Социалистический реализм и современная декадентская литература. С. 374).

² Там же. С. 375.

³ Выбор именно этих имен отнюдь не случаен и отсылает к давней дискуссии о Джойсе и Дос Пассосе, состоявшейся в первой половине 1930-х гг. Подробнее об этом см.: Гюнтер Х. Советская литературная критика и формирование эстетики соцреализма: 1932–1934 // История русской литературной критики. С. 259–266; Гальцова Е.Д. Западные писатели-модернисты в журнале «Литературный критик»: Пруст, Джойс, Дос Пассос // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов: исследования и архивные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 669–686.

⁴ Фрид Я. Социалистический реализм и современная декадентская литература. С. 381.

⁵ Подробнее об этом см.: Белая Г.А. Закономерности стилевого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977. С. 111–118.

давленной в ходе многочисленных дискуссий о параметрах творческого метода. Во второй половине 1940-х гг. монументализм советской прозы¹ достиг высшей точки – «Большой Стиль» предъявил себя во всей полноте. Необузданное стремление практики соцреалистического письма к оформлению в специфический метанарратив привело к упразднению текстовой замкнутости, к окончательному демонтажу «теории романа» («эпос» взял верх над «романом»). Иначе говоря, твердая литературная форма перестала быть средством репрезентации соцреалистической эстетики², которая обрела способность формировать более сложные текстовые структуры. Закономерным образом этот процесс немногим позднее выразился, например, в списке лауреатов Сталинской премии по литературе за 1951 г. Наряду с почти тысячестраничным романом С.П. Злобина и пятисотстраничным романом В.Т. Лациса премий второй и третьей степеней были удостоены *романные циклы* В.Л. Василевской, Н.П. Задорнова. Точности ради отметим, что в дальнейшем советская официальная литература, будучи продуктом распада сталинского соцреализма, сохранит тенденцию к созданию произведений эпопейного типа: В.С. Гроссман напишет роман «Жизнь и судьба» (1959), который в паре с «За правое дело» образует дилогию; в конце 1950-х и все 1960-е гг. К.М. Симонов будет писать военную трило-

¹ А.Н. Толстой еще в 1924 г. в статье «Литературные заметки (Задачи литературы)» вслед за А.В. Луначарским провозглашал монументальность в качестве ключевого параметра «нового» искусства: «Эстетическое искусство – развлечение. В нем всегда встает роковой вопрос: есть ли в искусстве смысл. Эстетизм не дает ответа. Я противопоставляю эстетизму литературу монументального реализма. Ее задача человекотворчество. Ее метод – создание типа. Ее пафос – всечеловеческое счастье, – совершенствование. Ее вера – величие человека. Ее путь – прямо к высшей цели: в страсти, в грандиозном напряжении создавать тип большого человека. <...> Мы не должны бояться широких жестов и больших слов. Жизнь размахивается наотмашь и говорит пронзительные, жестокие слова. Мы не должны бояться громоздких описаний, ни длиннот, ни утомительных характеристик: монументальный реализм!» (цит. по: *Толстой Ал.* Литературные заметки (Задачи литературы) // Писатели об искусстве и о себе: Сб. статей. М.; Л.: Круг, 1924. С. 15–16, 18–19).

² Неслучайно М.М. Бахтин, выступая против марксистски ориентированных построений Г. Лукача, еще в 1941 г. в докладе «Роман как литературный жанр» (опубл. в 1970 г. под названием «Эпос и роман» с подзаголовком «О методологии исследования романа») отмечал, что именно эпическое начало позволяет стабилизироваться эстетическому канону, тогда как роман «не имеет такого канона, как другие жанры: исторически действительны только отдельные образцы романа, но не жанровый канон как таковой». По Бахтину, роман – «единственный становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров» (цит. по: *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 448).

гию «Живые и мертвые» («Живые и мертвые», 1959; «Солдатами не рождаются», 1962; «Последнее лето», 1971); Ф.А. Абрамов на протяжении почти тридцати лет будет работать над тетралогией «Прясины» («Братья и сестры», 1958; «Две зимы и три лета», 1968; «Пути-перепутья», 1973; «Дом», 1979); тогда же А.С. Иванов будет писать сперва хронику «Тени исчезают в полдень» (1963), а затем двухчастный роман-эпопею «Вечный зов» (1970, 1976), П. Проскурин – трилогию «Судьба» (1972), А.Б. Чаковский – эпопею в пяти книгах «Блокада» (1975), а В.А. Закруткин – эпопею в трех книгах «Сотворение мира» (1978); вершинной точкой развития этой тенденции можно считать «Красное колесо» А.И. Солженицына¹. Фрид уже в 1947 г. осознал, что в этой дихотомии «распадающегося» / «монументального» состоит едва ли не главная черта различия между «модернизмом» и «соцреализмом», и, по-видимому, нехотя, резюмировал, провоцируя искушенного читателя на усмешку:

Когда от Морана, Клоделя, Сартра, Кафки, Камю мы переходим к Горькому, Маяковскому, к «Молодой гвардии» Фадеева, к «Людам с чистой совестью» П. Вершигоры, к произведениям Шолохова, мы словно вырываемся из подземелья на простор, к яркому солнцу <...> Вообще не следует преувеличивать роль декадентства в западной литературе последних десятилетий. Вспомним, что формирование западной литературы последних десятилетий неотделимо не только от глубокого потрясения и мучительного разочарования, вызванного первой мировой войной, но и от великих надежд, порожденных Октябрьской революцией, строительством социализма в нашей стране, победами Советского Союза. Вспомним, что передовые западные писатели уже давно с огромным интересом следят за развитием советской литературы и изучают ее опыт, – что для них стало маяком гениальное сталинское определение принципов социалистического реализма².

Имен этих «передовых западных писателей» Фрид, конечно же, не называет. Эта фигура умолчания объясняется тем, что советская пропаганда трепетно «подбирала слова», когда речь шла о работе с внешними потребителями советской идеологической риторики. Поэтому в «проработочных»

¹ Подробнее о влиянии соцреалистической теории на писательскую стратегию Солженицына см. в: *Николсон М.А.* Солженицын как «социалистический реалист» // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008: Сб. статей. М.: Русский путь, 2010. С. 476–498.

² *Фрид Я.* Социалистический реализм и современная декадентская литература. С. 389–390.

статьях такого толка очень редко можно встретить упоминания конкретных «подельников». (Это же справедливо и для тактики присуждения международных Сталинских премий «За укрепление мира между народами»: награды учреждались лишь с учетом отсутствия прогнозируемых негативных последствий для лауреата.) Вердикт Фрида сформулирован без обиняков:

Будет расти и развиваться талантливая передовая литература Запада, ибо творческие возможности народов неисчерпаемы. А творчество тех писателей, которые сознательно и упорно противопоставляют себя народу, принадлежит небытию, к которому оно так устремлено¹.

В самом конце 1940-х гг. отношение к западноевропейской литературной традиции заметно усложнилось. Если раньше, как уже было отмечено, советские теоретики позиционировали «модернизм» как весьма атомизированное, но тем не менее относительно цельное в идейном отношении явление, противостоящее прогрессивному «критическому реализму», то после борьбы с «низкопоклонством перед Западом» под влиянием различных – прежде всего идеологических – факторов в трактовке «модернизма» наметилась тенденция к несколько более подробной дифференциации. Однако эта трактовка «чужой» культуры по-прежнему осталась сопряженной с проблемным полем «основного метода» советской литературы. Именно поэтому в теоретической по установке и «проработочной» по духу статье А.К. Тарасенкова «Советская литература на путях социалистического реализма»² мы сталкиваемся с пространными пассажами, посвященными западной литературе. По Тарасенкову, «буржуазные писатели» – орудие в руках их «хозяев-капиталистов», а создаваемая ими литература якобы отчетливо делится на две различные в эстетическом отношении части:

Для современной буржуазной литературы чрезвычайно характерно разделение на два рода, которые могут показаться противоречивыми только поверхностному наблюдателю. На одном «полюсе» – литература, призванная

¹ Там же. С. 393.

² Статья Тарасенкова имеет по крайней мере две редакции. Первоначальный ее вариант был напечатан критиком в сборнике «Идеи и образы советской литературы» (М.: Советский писатель, 1949). Затем в переработанном и дополненном виде она была перепечатана сперва в сборнике статей «Советская литература» (М.: Учпедгиз, 1950), а потом в томе избранных работ Тарасенкова «О советской литературе» (М.: Советский писатель, 1952). Далее в тексте ссылки на эту статью мы даем по сборнику 1950 г.

разлагать сознание масс. Это всевозможные дешевые авантюрные и сексуальные истории о гангстерах, автомобильных погонях, таинственных преступлениях, кроважидных и соблазнительных женщины, глупые и вздорные повествования внезапно и сказочно разбогатевших на бизнесе мальчиков-газетчиков, о молодых красавицах с белозубыми улыбками – короче весь тот отвратительный, мутный литературный поток, который, служа целям пропаганды фашистских, человеконенавистнических идей, ежедневно изливается из недр американских буржуазных издательств, газет и журналов, звучит с подмостков мюзикхоллов и ночных кабаре, популяризируется в кинокартинах Голливуда, все шире захлестывая в авантюристическом порыве своей идеологической экспансии многие страны Западной Европы, Латинской Америки, Азиатского материка, Австралии. Это литература самого низкого пошиба, даже и не претендующая ни на какую художественность, свидетельствующая о полной потери ее авторами какого бы то ни было вкуса и морали, литература циническая, вся построенная на бизнесе, пропагандирующая фашистские идеи, не скрывающая своей откровенной грубой игры на низменных сторонах человеческой психологии.

Второй род современной буржуазной литературы, казалось бы, отличен от первого. Это так называемая литература «высоколобых», романы и поэмы, авторы которых выступают во всеоружии идеалистической философии и социологии, претендую на звание «новаторов» в области формы. Творения различных Дос-Пассосов и Сартров, Андре Жидов и Эллиотов¹ – это попытка буржуазного искусства создать «утонченную» форму, создать литературу психологических «нюансов», словесная эквилибристика, лишённая здравого смысла, представляющая собой игру в слова и понятия. Это литература, предельно выхолощенная, насквозь формалистическая. Декадентские изломы сплетаются в ней с чудовищным, циническим натурализмом, она полна самого крайнего релятивизма и одновременно религиозного ханжества. Но под покровом этих формалистских «изысков» и психологических «тонкостей» современные «высоколобые» писатели буржуазии ведут ту же самую яростную пропаганду фашистского мракобесия. Заумный бред различных сюрреалистов и экзистенциалистов служит тем же целям, что и низменная авантюрная литература, о которой шла речь выше².

¹ Примечательно, что на почти на этих же авторах подробно останавливался Я. Фрид в цитированной выше статье «Социалистический реализм и современная декадентская литература».

² *Тарасенков А.К.* Советская литература на путях социалистического реализма // Советская литература: Сб. статей. М.: Учпедгиз, 1950. С. 9–10.

Как видим, динамика отношения к западной литературе свидетельствовала об угасании всякой дипломатической интенции и делала бескомпромиссное отрицание главной стратегией межгосударственных культурных взаимодействий. Таким образом, во второй половине 1940-х гг. за Сартром в советском науке о литературе и литературной критике по ряду не вполне логически формализуемых причин закрепилась репутация лидера «декадентской литературы загнивающего Запада». Ни один (!) из европейских или американских писателей и мыслителей конца XIX – начала XX столетия не удостоился такого внимания коммунистической пропаганды и, как следствие, такого числа дискредитирующих публикаций. С уверенностью можно говорить о том, что случай Сартра беспрецедентен не только для периода сталинизма, но и для всей семидесятилетней советской эпохи. Однако в этой истории довольно длительных *взаимоотношений* были и периоды «потеплений», первый из которых пришелся на начало 1950-х гг.

5.

В первой половине 1950-х гг. отношение к фигуре Сартра неоднократно и весьма стремительно менялось. В уже упомянутой книге Б. Песиса «Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию», создававшейся в конце 1940-х – первой половине 1951 г. и подписанной к печати в январе 1952 г., содержится краткая, но емкая характеристика сартровской интеллектуальной деятельности:

Одновременно враги французского народа пытаются замолчать или преуменьшить роль советских людей – спасителей Европы от фашизма. Эти трюки лакейской литературы прямо связаны с замыслом американских штабов, которые надеются вытравить из памяти народов подвиги героев Сталинграда, взятие Берлина, победу над Японией, чтобы таким образом облегчить себе добывание пушечного мяса для военных авантур в Азии и Европе. Бельмом на глазу у американской пропаганды является история Сопротивления, показавшая, что французский народ не только не дал себя втянуть в антисоветскую войну, но, вдохновляясь примером Советского Союза, «осененный крылом Сталинграда», развернул героическую борьбу против поработителей. Исторические уроки этой борьбы и стараются «опровергнуть» бесчисленные фальшивки.

Сартр вскоре после окончания войны опубликовал в Лондоне подхалимское «обращение» к англо-саксам. Беря на себя роль лжесвидетеля,

Сартр заявил, что никакого реального сопротивления французских партизан и подпольщиков не было. Сартр осмеливается называть героические подвиги таких людей, как Габриэль Пери, «жестами». В качестве «освободителей» Франции он рекламирует всех тех, кто руками де Голля изменнически подрывал борьбу французских партизан¹.

Кроме того, Песис прямо говорит о коллаборационистских взглядах Сартра² и выдвигает вполне конкретные обвинения, ранее не артикулировавшиеся так развернуто:

Сартр не только не может скрыть своей ненависти к героям французского народа, к коммунистам, расстрелянным гитлеровцами, но и прямо признается в своем сочувствии коллаборационистам. «Коллаборационизм, – нагло заявляет Сартр, – был усилием вернуть Франции ее будущее»³. Таким образом, ясно, какое будущее хотели бы готовить Франции сартры, – нечто вроде деголлевого Виши под сапогом у американских генералов.

«Опровергая» историю Сопротивления, историю борьбы за свободу и национальную независимость Франции, Сартр прибегает к откровенно космополитической клевете на народ. <...> Сартры приходят в неистовство всякий раз, когда французский народ выступает в защиту мира, против террора, осуществляемого лидерами «американской партии».

<...> расчеты Сартра, Руссе и прочих разбойников пера на то, что их американским хозяевам удастся усмирить французов, не оправдались. Почва горит под ногами американских оккупантов во Франции⁴.

Важным для нас оказывается и другой контекст, намеченный в приведенном фрагменте. Критик утверждает абсолютную несамостоятельность мировоззренческих установок Сартра, называет его, наряду с Андре

¹ Песис Б.А. Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. С. 145.

² Подробнее об этом см.: Фокин С.Л. Экзистенциализм – это коллаборационизм? (Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации) // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 258–281; Полякова Н.В. Французский экзистенциализм: Политическая философия в условиях национальной катастрофы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 3. С. 15–24.

³ Цитата из примечания Сартра к его собственной статье «Париж при оккупации» (“Paris sous l’Occupation”), опубликованной в 1945 г. в лондонском органе печати политического объединения «Свободная Франция».

⁴ Песис Б.А. Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. С. 145–146.

Мальро¹, «более натренированным шулером», чем любые другие деятели «французского декадентства и литературного гангстерства американского образца». Песис прямо связывает интеллектуальную деятельность Сартра со «шпионофобией», набравшей обороты в послевоенном СССР (ср.: «Сартры и прочие воспевают “чувства шпионов”, что вполне отвечает функциям гангстеров пера, занимающихся вербовкой предателей и диверсантов для Эйзенхауэра»²).

Вскоре во взглядах Сартра наметилась перемена³, сделавшая возможным его сближение сперва с кругами левых французских интеллектуалов, выступавших против политической линии американского правительства⁴, а затем и с руководством СССР. В середине – второй половине 1952 г. на страницах «Temps modernes» в виде серии статей появился его трактат «Коммунисты и мир» (“Les communistes et la paix”, 1952, 1954), после чего Сартра начинают воспринимать как «попутчика» коммунистического движения. Антиамериканизм, ставший доминирующим в политических взглядах мыслителя, послужил поводом к возбуждению в кругах советской партийно-литературной номенклатуры прагматического интереса к его фигуре.

С 12 по 19 декабря 1952 г. в Вене проходил Конгресс народов в защиту мира⁵, который советская пропаганда восприняла как весьма выгодную площадку для выстраивания взаимоотношений с «коммунизировавшимся»

¹ Подробнее о репутации Мальро в сталинском СССР см.: *Балашова Т.В.* Эстетические предпочтения Андре Мальро и его контакты с культурой страны Советов // Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов. С. 162–221.

² *Песис Б.А.* Французская прогрессивная литература в борьбе за мир и демократию. С. 150–151. Примечательно, что в конце 1930-х Песис, заведовавший отделом теории и критики в «Интернациональной литературе», и Мальро состояли в переписке: о письме 1937 г. критик, пытаясь переменить мнение писателя о журнале, раболопно и мягко упрекал его в «проявлении минутной “развязности”» (см.: Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. С. 387–389).

³ Уже позднее советские историки и биографы Сартра представляли эту трансформацию как закономерный и безальтернативный процесс (см., например: *Кисель М.А.* Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976).

⁴ Подробнее о роли Сартра в антиамериканской компании 1950-х гг. см.: *Сондерс Ф.* ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013. Отношение философа к Америке на протяжении нескольких десятилетий было неравномерным и зачастую менялось в связи с интенсификацией советской пропагандистской риторики (подробнее об этом см.: *McBride W.* Sartre and America // Філософія освіти. 2017. № 2 (21). С. 266–275).

⁵ Подробнее см.: Материалы Конгресса народов в защиту мира. Вена, 12–19 декабря 1952 г. М.: Госполитиздат, 1954.

Сартром. В это же время в Москве шло обсуждение кандидатов на международные Сталинские премии «За укрепление мира между народами». 16 декабря Луи Арагон выступил с возражением против присуждения награды своему другу Иоганнесу Бехеру, аргументируя это тем, что «следовало бы выдвинуть такую кандидатуру, которая могла бы вызвать больший международный отклик, в частности во Франции»:

<...> Поэтому мне хотелось бы, чтобы кандидатура из Германии была бы именно такой, которая способна вызвать наибольший международный отклик, в частности во Франции, чтобы мы могли успешнее бороться с шовинизмом. Вот причина, которая заставила меня высказать критическое замечание. Остается мое пожелание выдвигать из Германии кандидатуру, способную вызвать наибольший международный отклик¹.

По мнению акад. Д.В. Скобельцына, такой кандидатурой мог бы оказаться бывший рейхсканцлер (1921–1922) Йозеф Вирт. Вместе с тем Бехер выступал еще и в роли выгодного посредника между советскими партфункционерами от литературы и «критическим реалистом» Томасом Манном – главной «мишенью» сталинской политики «сплочения прогрессивных творческих сил» в деле противостояния «упаднической культуре империалистического Запада»². Особых прений в Комитете не было, так как часть экспертов (Го Мо-жо, И. Эренбург и Дж. Бернал) была задействована в работе упомянутого Конгресса народов в защиту мира, куда также был вызван Арагон «для лучшей связи с группой французских писателей, <...> в которую входит, между прочим, писатель Сартр»³; позднее туда же при-

¹ Протокол № 3 заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами». 23 декабря 1952 г. ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 24.

² Подробнее о роли Бехера в деле налаживания связей Томаса Манна с Советским Союзом см.: *Баскаков А.Н.* «Я не попутчик...»: Томас Манн и Советский Союз. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 142–163. Кроме того, стоит отметить, что именно Бехер выступил автором предисловия к русскому переводу романа Г. Манна «Голова» (М.: Гослитиздат, 1937). Попытки воздействовать на Т. Манна через его брата Генриха также предпринимались. В 1939 г. А. Фадеев и А. Толстой организовали приезд Г. Манна в СССР, чтобы предотвратить возможные преследования писателя-антифашиста. В архиве Толстого сохранилось письмо Т. Манна от 8 мая 1943 г., написанное по-английски (см.: *Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. С. 355–359*).

³ Протокол № 1 заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», 16 декабря 1952 г. // ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 2. Курсив мой. – *Д.Ц.*

был и Неруда, а Фадеев отсутствовал, так как оказался в больнице. Фактически, решение по премированию в 1952 г. принимали трое экспертов: Скобельцын, Дембовский и Садовяну. В ряду претендентов из Советского Союза были названы Фадеев, Эренбург и Лысенко¹ (позднее в список была внесена и фамилия Прокофьева), но всецело общественными организациями была поддержана лишь кандидатура Ильи Эренбурга. Соответствующее постановление Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами» «О присуждении международных Сталинских премий “За укрепление мира между народами” за 1952 год» было принято 20 декабря 1952 г.² Возникновение имени Сартра в этом контексте весьма примечательно, так как свидетельствует об особой расположенности советской стороны к оформлению в странах Западной Европы коммунистически ориентированной интеллектуальной ойкумены. В тот же день, когда на сессии в Комитете впервые возникло имя Сартра, вышел очередной выпуск «Литературной газеты», передовица которой была посвящена Конгрессу. В рубрике «Говорят люди различных убеждений и верований» в ряду «сочувствующих» уже вполне благожелательно цитировался и нейтральный фрагмент из выступления Сартра:

Если в ООН имеются еще люди, которые верят, что третья мировая война явится борьбой добра против зла, мы говорим им, что они неправы. Народы встретились друг с другом, говорили друг с другом, соприкасались друг с другом, и они согласились, что, во всяком случае, война, которую им готовят, является злом, что, во всяком случае, мир, который они хотят установить и который они установят, является благом. На нас больше не обрушат крестового похода³.

Сартровская речь на конгрессе была посвящена критике американской политики усугубления конфликта и оказалась важной вехой в эскалации антиамериканских настроений в советском социуме⁴. Прямо в Вене Симо-

¹ По поводу фигуры Лысенко Скобельцын добавил: «Что касается кандидатуры Лысенко, то нужно считаться с мнением советских общественных организаций, а они выдвигают на этот год только Илью Эренбурга» (Протокол № 1 заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», 16 декабря 1952 г. ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 8).

² Документ опубл. в: Правда. 1952. № 356 (12558). 21 декабря. С. 1.

³ Говорят люди различных убеждений и верований // Литературная газета. 1952. № 150 (3023). 16 декабря. С. 1.

⁴ Неслучайно текст выступления Сартра на Венском конгрессе был опубликован в январском номере журнала «В защиту мира» за 1953 г. и в приложении к журналу «Новое время» (1953. № 1).

ФРАНЦИЯ

Говорит писатель ЖАН-ПОЛЬ САРТР:

— Если в ООН имеются еще люди, которые верят, что третья мировая война явится борьбой добра против зла, мы говорим им, что они неправы. Народы встретились друг с другом, говорили друг с другом, соприкасались друг с другом, и они согласились, что, во всяком случае, война, которую им готовят, является злом, что, во всяком случае, мир, который они хотят установить и который они установят, является благом. На нас больше не обрушат крестового похода.

нов передал Сартру приглашение в СССР. С этого момента его отношение к советской власти начало стремительно улучшаться, а радикализм сталинской пропаганды по отношению к «попутчику» стал закономерно смягчаться. Эти перемены во взаимоотношениях стали причиной появления сперва сокращенного перевода трактата Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» в сборнике с примечательным названием «Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию», вышедшем в «Издательстве иностранной литературы», а затем и упомянутого выше полного перевода этого программногo текста.

В предоттепельную эпоху некогда «попутническая» репутация Сартра в СССР значительно окрепла¹: бывший враг социалистического режима фактически стал его идейным пособником. За эту метаморфозу советское правительство щедро вознаградило французского мыслителя. После выступления Роже Гароди² перед Иностранной комиссией Союза писателей³ в начале 1954 г. о «полезности» Сартра для дел компартии ни у кого не осталось сомнений в возможности его приезда в СССР. В конце мая 1954 г. Сартр и Симона де Бовуар по приглашению ССП приехали с месячным визитом, в ходе которого советской стороне удалось

¹ Подробное о взаимоотношениях Сартра и советского правительства в 1950-е гг. см.: Гальцова Е. Д. Недоразумения (первая канонизация Сартра в СССР) // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 295–314.

² Отметим, что именно он в 1947 г. опубликовал разгромную книгу «Литература могильщиков» (*Une littérature de fossoyeurs*), где обрушился на «некоммунистических левых» писателей Франции, и в том числе на Сартра.

³ Текст выступления Гароди был опубликован под названием «О некоторых явлениях в современной французской литературе» в «Знамени» (1954. № 6).

заручиться поддержкой писателя в деле постановки нескольких его пьес – «Почтительная шлюха» (*La Putain respectueuse*, 1946) и «Кин» (*Kean*, 1953). Хотя подготовка пьесы «Кин» и не приведет ни к каким итогам, «Почтительная шлюха» в постановке И.С. Анисимовой-Вульф под названием «Лиззи Мак-Кей» и с традиционно измененным финалом была поставлена на сцене Театра имени Моссовета. В основу постановки лег перевод пьесы, подготовленный С.И. Юткевичем¹. В статье о Сартре, опубликованной в «Большой советской энциклопедии» в конце 1955 г., по поводу этой пьесы читаем: «Укрепившаяся связь с прогрессивными писателями Франции благотворно отразилась на творчестве С[артра], к[ото]рое все глубже проникается реалистическими и оптимистическими тенденциями. В пьесе “Почтительная проститутка” (пост. и изд. 1946, в рус. пер. – «Лиззи», 1955) выведены сатирич[еские] образы амер[иканских] расистов и показано растлевающее действие реакционной идеологии на простых людей Америки»².

Во время следующего недельного визита Сартра и де Бовуар в Москву в конце октября 1955 г.³ лично Ю.А. Завадский – главный режиссер театра – познакомит Сартра с планом постановки, эскизами декораций и костюмов, а также афишей грядущего спектакля⁴.

Тогда же вновь встал вопрос о присуждении Сартру международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Имя французского мыслителя вновь возникло на обсуждении кандидатов в Комитете 11 декабря 1954 г. (К тому моменту он фактически избран вице-президентом Общества дружбы «Франция – СССР».) Примечательно, что на этом заседании впервые (!) прямо обозначился конфликт со

¹ Одробнее об этом см.: Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. С. 490–491

² Сартр Жан-Поль // Большая советская энциклопедия: В 51 т. [М.]: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 38. С. 123.

³ Как свидетельствуют фотоматериалы, Сартр также вновь встретится со знакомыми ему по прошлому визиту советскими писателями (среди них: Микола Бажан, Константин Симонов и Константин Федин). Сюжет о пребывании французских писателей С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра в Москве вошел в киножурнал «Новости дня» № 58 (режиссер В.В. Катанян). Позднее Катанян описал свои впечатления от знакомства с Сартром в мемуарах (запись от 31 октября 1955 г.): «Сартр – маленький, уродливый гномик, славный и любезный. Его жена де Бовуар высокая, элегантная. Им бешено понравился “Клоп” в Сатире» (*Катанян В.В.* Лоскутное одеяло. М.: Вагриус, 2002. С. 131).

⁴ Этот спектакль с Л.П. Орловой в главной роли будет непрерывно идти в Театре имени Моссовета вплоть до 1966 г.

Ж.-П. Сартр и С. де Бовуар в Театре им. Моссовета

структурами Нобелевского комитета: Я. Дембовский в своем выступлении указал на несхожесть принципов, лежащих в основе работы двух институтов и состоящих в том, что

...Нобелевский комитет присуждает премии выдающимся ученым уже после того, как научные достижения проверены и стали достоянием науки. (Далее следует неразборчивый текст, вписанный позднее. – Д.Ц.)

Наша задача состоит не только в том, чтобы присудить премию ... (неразборчиво. – Д.Ц.), но и в том, чтобы главным образом поддержать движение за мир в отдельных странах. Поэтому, мне кажется, мы должны сосредоточить наше внимание на тех кандидатурах, для которых присуждение премии будет являться дальнейшим стимулом в их еще более энергичной деятельности, и отклонить те кандидатуры, относительно которых мы имеем основания думать, что они не внесут ничего нового в дело мира¹.

¹ Стенограмма заседания Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами», 11 декабря 1954 г. ГА РФ. Ф. 9522. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 5.

Предварительный список претендентов на премию за 1954 г. состоял из двадцати имен, в числе которых оказались Николай Тихонов и Жан-Поль Сартр. О последнем Луи Арагон не вполне внятно говорил:

...необходимо учитывать, что интересная и полезная эволюция его (Сартра. – Д.Ц.) началась сравнительно недавно. В свое время он писал вещи, которые могли быть использованы и были использованы против борьбы за мир. Сейчас он сам занимает по отношению к этим вещам, к этим текстам вполне удовлетворительную позицию. Однако, присуждение ему премии так быстро после того, как он изменился, может быть использовано не только определенными французскими газетами, органами прессы, но и значительной частью общественного мнения для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет о своеобразной компенсации, оплате за прошедшую у Жана-Поля Сартра эволюцию. Необходимо это учитывать.

Я думаю, что Жан-Поль Сартр, мнение которого не запрашивалось по этому вопросу, был бы согласен с такой точкой зрения. Сартр очень ценит имеющиеся у него связи с определенными слоями общественного французского мнения, на которые он оказывает влияние, и он очень хочет сохранить эти связи, боится, что они нарушатся. Возьмем такой пример: Жан-Поль

Сартр приглашен на съезд советских писателей. Он уже один раз был в Советском Союзе и, если он второй раз не придет, то это следует расценить, как желание сохранить эти связи, поскольку те люди, с которыми он связан, которыми он дорожит, смогут сказать, что Жан-Поль Сартр очень быстро пошел по *этому новому пути*¹.

Второй раз, как уже отмечалось, Сартр посетил СССР в октябре 1955 г. на обратном пути из Китая. Мыслитель прошел ту самую пресловутую «проверку», которую ему готовили советские партфункционеры от культуры, но они встречную «проверку» пройти не смогли. После ввода советских войск в Венгрию в начале ноября 1956 г. во взаимоотношениях Сартра и коммунистической партии СССР вновь наметится кризис². 9 ноября в «Экспрессе» появилась его резкая разоблачительная статья «Призрак Сталина» (“Le Fantôme de Staline”). Симпатия Сартра к советскому политическому режиму существенно ослабла, но не иссякла полностью. Однако последствия этого почти шестилетнего кризиса будут давать знать о себе вплоть до смерти французского мыслителя 15 апреля 1980 г.

Литература

Андреев Л.Г. Жан-Поль Сартр: свободное сознание и XX век. М.: Geleos, 2004.

Баскаков А.Н. «Я не попутчик...»: Томас Манн и Советский Союз. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Белая Г.А. Закономерности стиливого развития советской прозы двадцатых годов. М.: Наука, 1977.

Блох А.М. Советский Союз в интерьере нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005.

Вавилова В.Ю., Просветов С.Ю. Интерпретация идей Ф.М. Достоевского в творчестве французских экзистенциалистов // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 19. С. 59–63.

¹ Там же. Л. 9–10. М. Садовяну позже скажет о том, что Сартр уверенно идет по пути размежевания со своим прошлым, поэтому следовало бы выяснить у писателя его мнение о возможности премирования. Однако его аргументы не повлияли на ход дискуссии.

² На этот раз в роли судьбы Сартра выступит все тот же Гароди, всего два года назад настаивавший на положительной эволюции сартровских взглядов (см.: *Гароди Р.* Ответ Сартру // Литературная газета. 1956. № 142 (3643). 29 ноября. С. 3).

Гальцова Е. Д. Недоразумения (первая канонизация Сартра в СССР) // Литературный пантеон: национальный и зарубежный. М.: Наследие, 1999. С. 291–314.

Диалог писателей: из истории русско-французских культурных связей XX века. 1920–1970. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

Добренко Е.А. Судный день русской литературы. Пост-классический роман: канон и трансгрессия // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 3. С. 9–22.

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

Кормилов С.И. Из истории антиэстетической антимысли: литературная критика послевоенного десятилетия о реализме, типическом и герое советской литературы // Из истории русской эстетической мысли. СПб.: Образование, 1993. С. 153–172.

Куликова О. Д. Французский журнал «Тан модерн» и начало холодной войны (1944–1954 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2002.

«Мы предчувствовали полыханье...»: Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Документы и комментарии. Июнь 1941 – сентябрь 1945 г. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 2.

Полякова Н.В. Французский экзистенциализм: политическая философия в условиях национальной катастрофы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 3. С. 15–24.

Пономарев Е.Р. Экспорт и реэкспорт соцреализма: восточноевропейские литературы в контексте советского толстого журнала (конец 1940-х годов) // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 93–112.

Постер М. Экзистенциальный марксизм в послевоенной Франции: от Сартра к Альюссеру // Философско-антропологические исследования. 2008. № 3–4. С. 86–123.

Постижение Запада. Иностранная культура в советской литературе, искусстве и теории 1917–1941 годов. Исследования и архивные материалы. М.: ИМЛИ РАН, 2015.

Солженицын: мыслитель, историк, художник. Западная критика: 1974–2008: Сб. статей. М.: Русский путь, 2010.

Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны. М.: Кучково поле, 2013.

Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М.: Материк, 2005.

Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб.: РХГА, 2013.

Фокин С.Л. Экзистенциализм – это коллаборационизм? (Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации) // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 258–281.

Цыганов Д.М. Холодная война с «модернизмом»: Международная Сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // Rossica. Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191–268.

Шишкова Т. Внеждановщина: советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Bollaert Ch. Советская судьба французских экзистенциалистов: анализ восприятия переводов произведений Жан-Поля Сартра и Альбера Камю. Gent: [Б. и.], 2014.

References

Andreev L.G. *Jean-Paul Sartre: Svobodnoe soznanie i XX vek* [*Jean-Paul Sartre: Free Consciousness and the XXth century*]. Moscow: Geleos publ., 2004. (In Russ.)

Baskakov A.N. “*Ja ne poputchik...*”: *Thomas Mann i Sovetskij Sojuz* [“*I am not a fellow-traveler...*”: *Thomas Mann and the Soviet Union*]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istorija Publ., 2021. (In Russ.)

Belaja G.A. *Zakonomernosti stilevogo razvitija sovetskoj prozy dvadcatyh godov* [*Patterns of stylistic development of Soviet prose in the 1920s*]. Moscow: Nauka Publ., 1977. (In Russ.)

Bloh A.M. *Sovetskij Sojuz v inter'ere nobelevskih premij. Fakty. Dokumenty. Razmyshlenija. Kommentarii* [*The Soviet Union in the interior of the Nobel Prizes. Facts. Documentation. Reflections. Comments*]. Moscow: FIZMATLIT Publ., 2005.

Bollaert Ch. *Sovetskaja sud'ba francuzskih jekzistencialistov: Analiz vosprijatija perevodov proizvedenij Zhan-Polja Sartra i Al'bera Kamju* [*The Soviet fate of French existentialists: Analysis of the perception of translations of the works of Jean-Paul Sartre and Albert Camus*]. Gent: S.N., 2014. (In Russ.)

Dennes M. *Husserl – Heidegger. Influence de leur œuvre en Russie*. Paris; Montréal: L'Harmattan, 1998.

Dialog pisatelej: Iz istorii russko-francuzskih kul'turnyh svyazej XX veka. 1920–1970 [*Dialogue of Writers: From the History of the XXth century Russian-French cultural connections. 1920–1970*]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2002. (In Russ.)

Dobrenko E.A. “*Sudnyj den' russkoj literatury. Post-klassicheskij roman: Kanon i transgressija.*” [“*Doomsday of Russian literature. Post-classical novel: Canon and transgression*”]. *Filologicheskij klass* [*Philological Class*] 25:3 (2020): 9–22. (In Russ.)

Dobrenko E.A. *Pozdnij stalinizm: Estetika politiki: v 2 t.* [*Late Stalinism: Aesthetics of the Politics: in 2 vols.*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. (In Russ.)

Fokin S.L. “Ekzistencializm – eto kollaboracionizm? (Neskol’ko shtrihov k portretu Zhana-Polija Sartra v okkupacii)” [Existentialism is a Collaborationism? (A Few touches to the portrait of Jean-Paul Sartre during the occupation)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* 3 (55) (2002): 258–281. (In Russ.)

Fokin S.L. *Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka* [*Figures of Dostoevsky in the XXth century French literature*]. Saint-Petersburg: RHGA Publ., 2013. (In Russ.)

Galtsova E. D. “Nedorazumenija (pervaja kanonizacija Sartra v SSSR).” [“Misunderstandings (First canonization of Sartre in the USSR)”.] In *Literaturnyj panteon: Nacional’nyj i zarubezhnyj* [Literary Pantheon: National and Foreign]. Moscow: Nasledie Publ., 1999: 291–314. (In Russ.)

Istorija russkoj literaturnoj kritiki: Sovetskaja i postsovetskaja epohi [*History of Russian literary criticism: Soviet and Post-Soviet epochs*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. (In Russ.)

Kormilov S.I. “Iz istorii antijesteticheskoj antimysli: Literaturnaja kritika poslevoennogo desjatiletija o realizme, tipicheskom i geroe sovetskoj literatury.” [“From the history of anti-aesthetic anti-thought: Literary criticism of the post-war decade about realism, the typical and the hero of Soviet literature”.] In *Iz istorii russkoj esteticheskoj mysli* [*From the History of Russian Aesthetic Thought*]. Saint-Petersburg: Obrazovanie Publ., 1993: 153–172. (In Russ.)

Kulikova O. D. *Francuzskij zhurnal “Les Temps modernes” i nachalo holodnoj vojny (1944–1954 gg.): Dissertatsia kand. ist. nauk.* [*The French journal “Les Temps modernes” and the beginning of the big war, 1944–1954. PhD Thesis*]. Yaroslavl’, 2002. (In Russ.)

McBride W. “Sartre and America.” *Философия освиту* [*Filosofia osviti*] 2 (21) (2017): 266–275.

“*My predchuvstvovali polyhan’e...*”: *Sojuz sovetskih pisatelej SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Dokumenty i kommentarii. Ijun’ 1941 – sentjabr’ 1945 g.* [“*We Foresaw a Blaze...*” *The Union of Soviet Writers during the Great Patriotic War, June 1941 – September 1945*]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015. (In Russ.)

Poljakova N.V. “Francuzskij jekzistencializm: Politicheskaja filosofija v uslovijah nacional’noj katastrofy.” [French Existentialism Political Philosophy in the conditions of national catastrophe”.] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija* 3 (2015): 15–24. (In Russ.)

Ponomarev E.R. “Eksport i rejeksport sorealizma: Vostochnoevropskie literatury v kontekste sovetskogo tolstogo zhurnala (konets 1940-h godov).” [“The Export

and Re-export of Socialist Realism. Eastern European Literatures in the Context of the Soviet Thick Journal (late 1940s)”. *Novoe literaturnoe obozrenie* 2 (144) (2017): 93–112. (In Russ.)

Poster M. “Ekzistencial’nyj marksizm v poslevoennoj Francii: Ot Sartra k Al’tiuseru.” [Existential Marxism in postwar France.] *Filosofsko-antropologicheskie issledovanija* 3–4 (2008): 86–123. (In Russ.)

Postizhenie Zapada. Inostrannaja kul’tura v sovetskoj literature, iskusstve i teorii 1917–1941 godov: Issledovanija i arhivnye materialy [Understanding the West: Foreign Culture in Russian Literature, Art, and Theory, 1917–1941. Research and Archival Documents]. Moscow: IMLI RAN Publ., 2015. (In Russ.)

Shishkova T. *Vnezhdanovshhina: Sovetskaja poslevoennaja politika v oblasti kul’tury kak dialog s voobrazaemym Zapadom* [Vnezhdanovshhina: Soviet postwar politics in the sphere of culture as a dialogue with an imaginary West]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2023. (In Russ.)

Socialist Realism in Central and Eastern European Literatures under Stalin: Institutions, Dynamics, Discourses. London; New York: Anthem Press, 2018.

Solzhenicyn: Myslitel’, istorik, hudozhnik. Zapadnaja kritika: 1974–2008 [Solzhenitsyn: Thinker, historian, artist. Western criticism: 1974–2008]. Moscow: Russkij put’ publ., 2010. (In Russ.)

Sonders F. *TsRU i mir iskusstv: Kul’turnyj front holodnoj vojny* [CIA and the world of art: Cold War cultural front]. Moscow: Kuchkovo pole publ., 2013. (In Russ.)

Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953: Dokumenty Agitpropa TsK [Stalin and Cosmopolitanism. 1945–1953: Agitprop Documents]. Moscow: Materik publ., 2005. (In Russ.)

Tsyganov D.M. “Holodnaja vojna s ‘modernizmom’: Mezhdunarodnaja Stalinskaja premija v kontekste zapadno-sovetskih literaturnyh vzaimodejstvij perioda pozdnego stalinizma.” [“The Cold War with ‘Modernism’: The International Stalin Prize in the Context of Late Stalinist Western-Soviet Literary Contacts.”] *ROSSICA. Literaturnye svjazi i kontakty* [ROSSICA. Literary Contacts & Connections] 2 (2022): 191–268. (In Russ.)

Vavilova V. Yu., Prosvetov S.Yu. “Interpretacija idej F.M. Dostoevskogo v tvorcestve francuzskih jekzistencialistov” [“Interpretation of F. Dostoevsky’s ideas in the French Existentialists’ works”]. *Kul’tura. Duhovnost’. Obshhestvo* [Culture. Spirituality. Society] 19 (2015): 59–63. (In Russ.)

Я[ков Владимирович] Фрид

**ФИЛОСОФИЯ НЕВЕРИЯ И РАВНОДУШИЯ:
ЖАН-ПОЛЬ САРТР И СОВРЕМЕННЫЙ БУРЖУАЗНЫЙ
ИНДИВИДУАЛИЗМ**

Во Франции творчество Жан-Поль Сартра и возглавляемой им группы писателей «экзистенциалистов»* привлекает большое внимание. Противники экзистенциалистов обвиняют их в том, что они низвели литературу на уровень иллюстраций и комментариев к философии, в том, что они изменили французской ясности разума для туманной немецкой и скандинавской метафизики, наконец, в том, что главным своим учителем они избрали немецкого философа М[артина] Хайдеггера, который был ректором университета¹ в гитлеровской Германии. Защитники экзистенциалистов заявляют, что благодаря усилиям этих писателей «возрождается метафизический роман» и литература, наконец-то, перешла от изображения поверхности явлений к философскому осмыслению основных проблем бытия. Творчество экзистенциалистов – и прежде всего Сартра – действительно заслуживает внимания, так как оно хорошо характеризует социальную роль современного индивидуализма в идеологических атаках реакции на передовые идеи нашего времени.

Первая книга Сартра («Стена»)² вышла еще до второй мировой войны, ранее его философских трудов. Уже в этой книге рассказов и в первом своем романе («Тошнота»)³ Сартр видел жизнь глазами «экзистенциалиста»: она, по Сартру, бессмысленна, тошнотворна, бескрасочна; жизнь – отвратительное прозябание, навязанное людям некоей неразумной и жестокой судьбой. Не такое уж это «откровение» для западной литературы последних десятилетий. И если герои Сартра являются прямыми потомками некоторых героев А. Мальро, А. Жида, Ж. Грина и (если заглянуть далее в прошлое) [А.] Стриндберга, а композиция наиболее значительного рома-

Статья Я.В. Фрида печ. по: Литературная газета. 1946. № 43 (2306). 19 октября. С. 3.

* От слова «existence» (существование). (Примеч. «Литгазеты» 1946).

¹ М. Хайдеггер (1889–1976) занимал пост ректора Фрайбургского университета с 21 апреля 1933 по 23 апреля 1934 г.

² Сборник рассказов «Стена» (*Le Mur*) был опубликован в 1939 г.

³ Роман «Тошнота» (*La Nausée*) был опубликован в 1938 г.

на Сартра «Отсрочка»¹ развивает приемы Джойса, Дос-Пассоса, Ж. Ромэна, – то и философия Сартра перерабатывает и объединяет в хитроумную реакционную, полную противоречий систему те настроения и идеи, какие частично были уже и у Жида, и у Мальро, а ныне рассыпаны в ряде статей и книг, авторы которых, вероятно, и не читали Хайдеггера и датского философа XIX в. С[ерена] Киркегора – учителей Сартра. Например, философия истории английского ученого Рональда Латама, автора книги «В поисках цивилизации»² (1946), многими чертами весьма напоминает философию Сартра (хотя Р. Латам экзистенциалистом не является). Успех Сартра на Западе тем и обусловлен, что Сартр не одинок, что он – один из первых голосов в нестройном хоре индивидуализма, пропагандирующем ныне мнимую «свободу личности» при капитализме.

Вторая причина известности Сартра заключается в том, что он выступает как участник движения Сопротивления, а кое-что в его творчестве, кое-что в его «системе» может заинтересовать ту молодежь, устремления которой, возможно, и честны и гуманистичны, но которая очень плохо разбирается и в действительности и в философии.

Идейной программой современного индивидуализма является утверждение: человек несовершенен, а отсюда – подчиненный инстинктам, импульсам, раздираемый противоречивыми желаниями, непостоянный и непоследовательный, не обладающий подлинной индивидуальностью, современный человек (если не считать, конечно, самих идеологов индивидуализма, «избранных») есть результат неудачного эксперимента природы. Человек с маленькой буквы, «человек» в кавычках, он биологически «не получился», не удался природе. Общество слагается, как из кирпичиков, из этих «неудавшихся» людей, почему и оно **неизбежно** должно быть далеким от совершенства. Так критика капитализма подменяется критикой «сущности» рода человеческого, так «устанавливается», что с недостатками капитализма нужно помириться. «Горькую истину» о роковом несовершенстве «упрощенного», «незавершенного» природой человека осторожно преподносят и историк Латам, и троцкистствующий сюрреалист [Андре] Бретон, и ницшеанец Мьюэр, и многие другие. Этой «истиной» мотивируются «ликвидаторские настроения» по отношению к будущему человечества. На нее отчасти опираются те, кто зовет к бегству от действительности, уходу в мистику и т. д. И именно теперь, когда в моде бегство всех видов, об-

¹ Роман «Отсрочка» (*Le Sursis*) был опубликован в 1945 г.

² Книга Рональда Латэма «В поисках цивилизации» (*Inquest of civilization*) была опубликована в 1946 г.

ращение к религии, антропософии, спиритизму (например, один французский художник-примитивист, «новый А[нри] Руссо», уверяет, что его руку во время работы направляет дух)¹, именно теперь, в 1946 году, Сартр **как бы** делает иные, противоположные выводы из этого же «постулата» о «несовершенстве» человека. Он заявляет: бога нет, потустороннего мира нет, реален только человек, и бежать ему некуда; он должен жить и действовать в своей эпохе. Да, – говорит Сартр, – человек – несовершенен. Но, – подчеркивает Сартр, – человек так и останется несовершенным и будет только **существовать**, нося в себе небытие и не переходя к **бытию**, если он сам не создаст себя своими деяниями; никакая посторонняя сила не поможет ему в этом. «Человек есть только то, что он из себя создал»². Каждый человек ответственен за то, чем является человечество.

Это может импонировать тем, кто не разбирается в нарочитой сложности Сартра. Ведь эти мысли как будто говорят о стремлении философа осмыслить опыт Сопротивления. Но если Сартр в какой-то мере и отправляется от опыта Сопротивления, то ему удастся лишь замутить и исказить смысл опыта этого движения. Перед нами – чисто внешнее сходство, эффект мимикрии. Ведь когда Сартр заявляет: «я мыслю, следовательно, я существую, – вот из чего я исхожу»³, – это «картезианство» Сартра (впрочем, очень стилизованное под эмпириокритицизм) также является камуфляжем, наложенным на идеи, взятые у Хайдеггера и на явное ницшеанство Сартра.

Фундамент системы Сартра – определение основных «вечных» условий человеческого существования, не зависящих от воли человека (в чем, по Сартру, выражена нелепая, алогичная жестокость бытия, судьбы). Эти всеобщие постоянные условия таковы. От каждого человека не зависят: его появление и необходимость жить на земле, его причастность к труду, его бытие среди других и его обреченность быть смертным. В романе «Отсрочка» синонимом обреченности человека на смерть является угроза войны. Не структура общества, не то, в чем конкретно выражается «причастность» людей к труду (владение заводом, либо безработица), а только эти «универсальные» условия бытия выделены Сартром. Они образуют «границы бытия»,

¹ По всей видимости, имеется в виду Никола де Сталь (1914–1955) – французский художник, родившийся в Санкт-Петербурге. Фрид интерпретирует его автокритическое высказывание (ср.: «Я пишу, чтобы освободиться от впечатлений, всех чувствований и всего, что меня тревожит. Моей рукой водит тот, кто сидит внутри»).

² Здесь и далее Фрид цитирует трактат Сартра «Экзистенциализм – это гуманизм» (*L'existentialisme est un humanisme*, 1946).

³ Сартр обыгрывает знаменитую формулу Р. Декарта «*Cogito ergo sum*» («я мыслю, следовательно, я существую»).

в которых люди сосуществуют, взаимно связанные не более, чем спички в коробке. Человек, по Сартру, «проклят и посажен на цепь неразумной судьбой» (Э[ммануэль] Мунье). «Но если человек, – заявляет Сартр, – сумеет осознать, что он “покинут” на произвол судьбы и абсолютно одинок, что он может рассчитывать лишь на свои индивидуальные силы, – он в одиночестве обретет мнимую “свободу личности” и “величие”»¹. «Человек свободен, сам человек есть свобода». «Достоевский пишет: если бы бога не было, – все было бы позволено; вот от чего отправляется экзистенциализм». Атеизм для того и понадобился Сартру, чтобы сделать этот «окончательный логический вывод» из мысли Достоевского: да, бога нет, следовательно, «все позволено». Правда, не совсем все «позволено»; есть границы «для фантазий и капризов» (то есть, очевидно, одинокий безработный не может стать хозяином завода, но может броситься под поезд, выразив так свою тоску, отчаяние, протест против бессмысленности бытия).

Здесь начинается главное: насколько возможна и целесообразна деятельность человека в коллективе, например, в партии. Свобода одинокого человека – свобода от всех связей с миром. Она обусловлена тем, что жизнь вообще алогична и «свободна» от взаимосвязи явлений. Детерминизм, причинность, по Сартру, – абстракция, существующая лишь в сознании марксистов. Человек волен сделать с собой что ему угодно. И так как люди, какими их видит Сартр, – импульсивные, непостоянные существа с весьма короткой памятью – удивительно напоминают изображенный [Редьярдом] Кипплингом в «Книге джунглей» (*The Jungle Books, 1894*) обезьяний народец бандер-логи <sic!>, – Сартр считает, что человек и за самого себя может отвечать только сегодня, в данный момент. Как же доверять другим? Что человек знает о других? Только то, что сегодня он видит их такими-то, а не иными, с одними сегодня соглашается, с другими – спорит. Что будет завтра – человеку неизвестно.

Коварные, циничные, ядовитые скептицизм и агностицизм дополнены таким же релятивизмом махистского типа. «Только я сам могу выбрать и сказать, что такое-то деяние скорее хорошо, нежели худо». Люди всегда «свободны выбирать» заново все, и прежде всего – идеи, абстрактные системы фраз. Поэтому совершенно естественно будет, если сегодняшние антифашисты завтра решат сделаться фашистами и заставят окружающих принять «смену вех»: «в этот момент фашизм станет человеческой истиной». Злободневная формула, которая, вероятно, нравится иным вчерашним

¹ В приведенной Фридом цитате содержится отсылка к хайдеггеровской концепции «заброженности» (*Geworfenheit*).

антифашистам. Это понимание ренегатства, как проявления «высшей свободы» и как закономерной формы «развития» человека, совпадает с тем, что писал о ренегатстве русский дореволюционный декадент Л. Шестов в книге «Достоевский и Ницше»¹. Вот одна из причин признания Шестова группой Сартра «великим философом». Далее Сартр пишет, что каждый человек, делая выбор, естественно, из уважения к себе выбирает служение добру. И вместе с тем Сартр заявляет: «Если мне кто-нибудь скажет: – А что, если я избрал служение злу? – я ему отвечу: – Нет никаких оснований для того, чтобы вы поступили иначе» (ведь «все свободны»). Но философ вправе морально осудить злодея, сообщив ему, что лучше служить добру. Хорошо, что не такие философы были судьями в Нюрнберге. Неудивительно, что Сартр заявляет: «Мы не верим в прогресс»; в конце концов, что бы человек ни выбирал, – во все эпохи он «всегда тот же».

Обращаясь к мотивам классической трагедии (ответственность трагического героя, трагический выбор, трагическая вина), – Сартр понимает их только в духе гамлетизма; но и гамлетизм он по-декадентски переосмысливает, точнее – обесмысливает.

Признав людей фатально разобщенными, непостоянными и неисправимыми, всегда прикованными к «сегодня» рабами импульсов и минутных настроений, не знающими ответственности бандер-логи, – Сартр предлагает им же: каждый из них должен «сделать выбор», исходя лишь из своей «человеческой субъективности», и должен служить изменчивой, как хамелеон, «человеческой истине», движимый чувством ответственности и его детищем – «метафизической» тоской. И так как нелепо гадать о будущем и надеяться на то, что «несовершенные люди» завтра не отрекутся от своего «сегодня», Сартр предлагает им «действовать без надежды на успех». «Нет необходимости надеяться на успех, для того, чтобы предпринимать что-нибудь». Это не только пропаганда авантюристского действия, обращенная к индивидуалистам. Этот «стоический» центральный тезис системы должен также «придать» авантюристский характер коллективной прогрессивной деятельности; подрывая веру людей в дело, которому они служат («а кто его знает, что у вас получится»), – он должен «скомпрометировать» идею целесообразности прогрессивной деятельности, марксизм, научную теорию развития общества в глазах тех учеников Сартра, которые интересуются его фразами о том, что человек должен рассчитывать только на свои силы.

¹ Книга Л.И. Шестова «Достоевский и Ницше: Философия трагедии» была опубликована в Петербурге в 1903 г.

Одиноким и «суверенным», нагой, лишенный прошлого и будущего «человек Сартра» стоит на голой планете, ему «все позволено», но он согнулся под бременем своей «беспольной и бесплодной свободы»: ему нечего делать на земле, но он, тоскливо ожидая минуты, когда возвратится в небытие, готов использовать свою «свободу» для того, чтобы навредить человечеству. «Анархизм, – писал Ленин, – вывороченный на изнанку буржуазный индивидуализм... Индивидуализм... основа всего мировоззрения анархизма... Анархизм – порождение **отчаяния**»**. Обращаясь к творчеству Сартра, мы наблюдаем процесс «выворачивания на изнанку» буржуазного индивидуализма, который при этом ныне особенно изворачивается, надеясь в анархистской философии отчаяния найти оружие для борьбы против передовой идеологии и пытаюсь замаскировать сущность этой философии «гуманистическими» фразами.

Наиболее тонкую иллюстрацию к философии Сартра встречаем в его большом романе «Отсрочка», втором томе трилогии «Пути к свободе»***. Время, охватываемое романом, – 23–30 сентября 1938 г., мюнхенские дни; этим определяется и его тема. Сартр-художник, не уважая людей, часто жалеет их, как богач – нищих, которые «не доросли» до экзистенциалистской метафизики. Вместе с тем, кое-что в романе заинтересовывает читателя. Это те места, где участник Сопротивления не надолго побеждает в Сартре экзистенциалиста. Волнует трагедия семьи чехов – Милана и Анны, сознающих, что их маленькая страна предана [Артуром Невиллом] Чемберленом и [Эдуаром] Даладье. Среди других героев **несколько** выделяются рабочие, эпизодические персонажи, которые, не пугаясь угроз Гитлера, готовы сражаться с фашистами и говорят: «Гитлер сказал, что он теряет терпение? Что ж, и мы теряем его».

Памфлетно-остро, гневно изображена ночь мюнхенского предательства (равнодушный, сытый после сговора с Гитлером Чемберлен, нетерпеливый Даладье и презирающий их, обреченный [Томаш Гарриг] Масарик, который видит: перед ним – гангстеры, уже сговорившиеся с «фюрером»). Вот где неуважение Сартра к людям вполне справедливо. Но эти и некоторые другие немногочисленные волнующие страницы – ложка правды, влитая в бочонок лжи.

** В.И. Ленин, «Анархизм и социализм». «Пролетарская революция», 1936, № 7, стр. 163. (Примеч. «Литгазеты» 1946).

*** Jean-Paul Sartre. «Les chemins de la liberté». II. «Le Sursis». Paris Gallimard, 40-е изд. (Примеч. «Литгазеты» 1946).

Мир накануне страшного суда – вот общее впечатление от картины, размашисто набросанной Сартром. Где бы герои ни находились, – в Марекаше, среди песков Африки, в Испании, в огне первой антифашистской войны, в Париже, в Марселе, в Лаоне, в Биаррице, – повсюду они в пустыне, голой, мертвой, под низким черным солнцем, – они в тупике и накануне гибели. Почти все они – одинокие, опустошенное существование, патологически вялые, или патологически-конвульсивно дергающиеся – ближе к небытию, нежели к бытию. Типичен для этой атмосферы кошмара символический образ простого человека – пастуха Гро-Луи, беспомощного гиганта, с умом и сердцем восьмилетнего ребенка, который впервые пришел в большой город и жалуется: в этой пустыне лишь один встречный, негр, признал в нем, в Гро-Луи, человека; но он потерял негра и не может найти его вновь, – «ведь они все – на одно лицо!» Гро-Луи – образ символический. Но и прочие персонажи изображены как чей-то кошмар, как масса медленно барахтающихся тел, взаимно связанных только сосуществованием во времени и пространстве, как некое вязкое, густое бродящее месиво. Эта характеристика «несовершенных людей» усилена композицией романа. Он состоит из множества различных по объему кадров, перемешанных в беспорядке, с учетом одной лишь синхронности происходящего. Эти кадрики «взаимопроницаемы», «переливаются» один в другой так, что часто «парижские» кадрики отделяются от «марсельских» и «марокканских» не абзацем, не точкой, а точкой с запятой, запятой, либо соединяются с ними союзом «и» (хотя по существу ничем не связаны)¹. Этот алогизм построения должен «отражать» «отсутствие причинности» в мире; как пишет М[орис] Бланшо, экзистенциалисты, чтобы об'ять «бессмысленное разнообразие жизни», «сделали нонсенс, бессмыслицу простой категорией мышления» – «превратили» в нонсенс «непознаваемые» противоречия действительности². Алогизм – форма экзи-

¹ Рассуждая о «кадриках», Фрид отсылает читателя к давней дискуссии 1933–1934 гг. о композиции в связи с текстами Дж. Джойса и Дж. Дос-Пассоса. В 1948 г. (фактически – в 1947 г.) Фрид в статье «Социалистический реализм и современная декадентская литература», опубликованной в сборнике «Проблемы социалистического реализма» (М.: Советский писатель, 1948), напишет: «Сартр, доводя до окончательного развития приемы композиции Джойса и Дос-Пассоса, рубит роман на кадры и кадрики, перемешивает их – и в каждом отрезке перед нами клочок «внутреннего монолога» какого-то одного «конкретного» человека и клочок его «индивидуального» времени» (С. 381).

² Фрид в собственном переводе цитирует фрагменты из главы «Миф о Сизифе» в сборнике коротких эссе М. Бланшо «Ложный шаг» (*Faux Pas*, 1943).

стенсалистской капитуляции перед противоречиями, перед «бессмыслицей бытия» (форма того, о чем Л. Шестов писал: «приятие жизни со всеми ее ужасами»).

Главный герой романа профессор философии («картезианец») Матье Деларю лепит на пляже пироги из песка. «И вот получился прекрасный пирог, – окруженный воздухом, он стоял без поддержки и не рассыпался». Полюбовавшись пирогом, Матье разрушает его. Вот так же, по Сартру, каждый бандер-логи должен подняться из густой, вязкой массы, частицей которой он является, и стать человеком – одиноким «стойком», «держась в воздухе без поддержки» (а в сущности – не более прочным, чем пирог из песка). Эта «метафизическая» сторона романа неинтересна и совсем абстрактна, – хотя Матье и начал поиски свободы в первом томе трилогии [«Дороги свободы» (*Les chemins de la liberté*)] («Век разума»)¹ с конкретной меры – с освобождения от любовной связи, ставшей для него обузой. Во втором томе он открывает, что свобода – это он сам, но что вместе с тем эта свобода бесполезна и что он не уважает себя. В третьем томе, еще не вышедшем, он, вероятно, следуя «системе» Сартра, «вполне» обретет свободу, поняв, что должен из чувства ответственности и порядочности начать стоически действовать без надежды на успех, служа тому, что в третьем томе ему будет казаться «человеческой истиной».

Интереснее другое. Борьбу испанских антифашистов Сартр приводит как образец «деятельности без надежды на успех». «Не замечая» веры республиканцев в конечную победу их дела, Сартр подменяет героическую трагедию трагедией обреченности «идеалистов-авантюристов». Неудивительно, что в образе республиканского генерала Гомеца, борющегося без надежды, есть авантюристские и «брутальные» черты. Гомец «сделал выбор», нашел себя, свободен. Но он, прежде всего, – «бывший художник», ставший профессиональным военным. Исповедуясь перед Матье, он, не касаясь идей и идеалов, говорит просто, «по-солдатски»: «Война прекрасна», «Я люблю войну». О своих гибнущих в боях бойцах он говорит: «Я не жалею их». Ему вторит другой «антифашист», Матье. Своему брату, мюнхенцу и профашисту, призывающему не проливать человеческую кровь, Матье отвечает: война ли, мир ли – для человечества безразлично. Ведь люди «носят в себе свою смерть с самого своего рождения», а человечество останется тем же, самим собой, если и погибнут миллионы. Итак, мюнхенцы, профашисты, гуманны, им дорога жизнь людей, а антифашисты с жестоким равнодуши-

¹ Роман «Возраст зрелости» (*L'âge de raison*) был опубликован в 1945 г.

ем «идеалистов-авантюристов» приносят **конкретных** людей в жертву «абстрактным», «бесплотным» идеям родины, человечества, справедливости. Мысль, типичная для современного индивидуализма.

Жизнь «конкретных людей» подчинена в романе его сюжетной оси – переговорам Чемберлена и Даладье с Гитлером. Днем и ночью почти все персонажи думают: «только бы не война!». В конце сюжетной линии – ее высшая точка, штурмгартская речь Гитлера. Сюда тянутся нити романа. И вот – «все» у приемников, «все» ждут, «как манны небесной», что скажет Гитлер. Слышен гул зала, «гул моря». «Он поднял руку, и море затихло», он заговорил, и «его голос уже не принадлежит ему, стал международным», и миллионы «несовершенных» людей, жалкие бандер-логи, не дышат у приемников, замороженные холодным взглядом питона Каа. Композицией романа Гитлер поднят на пьедестал. Фашист, убийца-оптовик с лицом лавочника – «судья» на этом «страшном суде»; людской род ничтожен, – говорит читателю Сартр, – и получает за это по заслугам. Неудивительно, что Гитлер фактически в центре романа: ведь он – единственный в романе – «сделал выбор» и действует авантюристически. Здесь между строк романа мелькает довольная усмешка учителя Сартра – Хайдеггера, философа гитлеровской Германии.

Социальной функцией того, что создано Сартром, может быть лишь роль своеобразного Троянского коня, заброшенного реакцией в лагерь прогрессивных сил. Реакции ныне до-зарезу нужна лукавая, софистская «философия», которая помогла бы заразить побольше людей, мечтающих о справедливости, о лучшей жизни, неверием в их собственные силы, равнодушием к передовой партии, сомнением в плодотворности коллективных усилий трудящихся и всего прогрессивного человечества, капитулянтскими настроениями и заблуждением, будто возможна только авантюристская деятельность, обреченная на неуспех. Фрагменты такой «философии» сочиняются многими, например Р. Латамом, который читал изданные им лекции в колледже для рабочих (то есть пытается проникнуть в народные массы глубже, нежели Сартр). Если бы Сартр не построил своей системы, это сделал бы другой. Но все подобные системы несомненно потерпят поражение в борьбе с подлинной, марксистско-ленинско-сталинской философией, и ложь «гуманистического» искусства экзистенциалистов и любых других декадентских «истов» бессильна рядом с правдой горьковского, действительно гуманистического социалистического реализма.

Д[авид Иосифович] Заславский

СМЕРТЯШКИНЫ ВО ФРАНЦИИ

И всех видов французского довоенного экспорта стал оживать после войны прежде всего экспорт парижских дамских мод. В журнале «Иллюстрацион» [*L'Illustration*)] изображены последние модели Пакена¹ <sic!>, Руфф², Гре³. Журнал обрамляет изящные костюмы таким национально-философским рюшем:

«Эти моды необходимы для нашего международного престижа. Только Париж сохраняет свою монополию портняжного вкуса. Пусть растет за океаном спрос на эти восхитительные наряды. Тогда изобилие войдет в наши дома. У нас во Франции трудолюбивому муравью нужна стрекоза».

Эта стрекозья философия откровенно расценивает себя в долларах. Французские закройщики модных нарядов связывают свои надежды с прихотью богатых американских дам.

В этом плане надо рассматривать также литературные произведения Сартра и его школы, – мы едва не сказали мастерской, – экзистенциализма. Французская и американская буржуазная печать усиленно рекламирует их как самое модное слово французской литературы: модная поэзия, модные романы, модная философия. Журнал Сартра «*Les Temps modernes*» правильнее всего перевести «Новомодное время».

Жан Полью Сартру 40 лет. Он был до войны профессором философии⁴. В основном его труде «*L'Être et le néant*» («Бытие и небытие») свыше

Статья Д.И. Заславского печ. по: Правда. 1947. № 21 (10412). 23 января. С. 4.

¹ Имеется в виду Жанна Пакен (1869–1936) – французская художница-модельер, в 1891 г. открывшая в Париже дом высокой моды «Raquin», который просуществовал до 1956 г.

² Имеется в виду Магги Руфф (1896–1971) – французская художница-модельер, в 1929 г. открывшая в Париже дом высокой моды, которым управляла до 1948 г.

³ Имеется в виду Жермен Эмили Кребс (1903–1993) – французская художница-модельер, известная под псевдонимом Мадам Гре (*Madame Grès*); в 1942 г. в Париже она открыла дом высокой моды, которым руководила до 1988 г.

⁴ После окончания Высшей нормальной школы Сартр преподавал философию сначала в Гавре (1931–1936), а затем в Лицее Пастера в Париже (1936–1944).

800 страниц, написанных в стиле немецкой университетской философии. Даже почитатели Сартра сознаются в том, что не могли одолеть эту книжищу. Его романы почти столь же об'емисты и столь же тяжеловесны и неудобочитаемы.

Однако идеи экзистенциализма весьма портативны, и их нетрудно изложить в немногих строках. Сам Сартр не претендует на особую оригинальность. В родословном древе экзистенциализма значатся мракобесы средневековой теологии. Ближайшими своими учителями Сартр называет датского мистика Сёрёна Киркегора (1813–1855) и современного немецкого профессора [Мартина] Хейдеггера, превратившего университет Фрейбурга в фашистское стойло для молодых эсэсовцев. В опоганенных аудиториях этого университета изготовлялась «философская» надстройка над печами Майданека¹.

Киркегор учил тому, что основное в жизни человека – это страх перед непонятной и непознаваемой жизнью. Его книги так и называются «Страх и трепет» [(*Frygt og Bæven*, 1843)], «Понятие о страхе» [(*Begrebet Angest*, 1844)] и т. п. Хейдеггер считает, что основное в жизни человека – это предсмертное томление. Человек, по его словам, «брошен в жизнь» и «падает к смерти». Только в смерти есть смысл, а жизнь бессмысленна. С этим связаны проповедь слепой покорности силе и вера в мистическую власть немецкого фюрера.

Сартр вслед за своими учителями отрицает какой бы то ни было смысл в жизни человека и народа. Единственная реальность, единственная истина по Сартру – это «мое личное существование». Все прочее – домысел, вымысел, ложь.

Существование по-французски – экзистенс, отсюда экзистенциализм – учение о случайности и бессмысленности исторического процесса, о лживости всякой морали, о полной душевной пустоте. Нет и не может быть никаких законов, никаких норм. Нет истории, есть «историзирование». Нет морали, есть «стиль жизни». Нет народа и общества, есть личные интересы и выгоды по принципу: хоть день, да мой!

Экзистенциализм называют также персонализмом – служением собственной персоне. Литературным героем некоторых последователей Сартра является Дон-Жуан², как выразитель половой распущенности, ничем не

¹ Майданек (немецкое название – *Konzentrationslager Lublin*) – немецкий концентрационный лагерь, располагавшийся на окраине польского города Люблина.

² Речь идет о небольшом фрагменте «Донжуанство» из второй главы теоретического трактата А. Камю «Миф о Сизифе» (*Le Mythe de Sisyphe*, 1942).

стесненной. Другие разрабатывают преимущественно тему тщеты и суетности жизни, тему самоубийства, смерти. Напускной пессимизм соединен с откровенным цинизмом.

«Философия» Сартра – это отрицание всякой философии, всякого познания. Его ученики утверждают, что логические суждения бесполезны и необязательны, а сознательность болезненна. В пьесе «Антигона» [*Antigone*, 1944)] сартровца [Жана] Ануйля <sic!> героиня говорит: «Я не хочу понимать... Мне не нужен разум... Не знать, вот что мне нужно».

[Альбер] Камю <sic!>, другой писатель этой школы, героем драмы сделал Сизифа, совершающего бессмысленный и бесполезный труд¹. В темах и сюжетах о бессмысленности исторического процесса без усталости копаются Симона де Бовуар. Таковы же романы и пьесы самого Сартра.

Эту тошнотворную и гниlostную стряпню буржуазная реклама выдает за новое и оригинальное слово философской моды. Но что же тут нового? К своим единомышленникам Сартр причисляет ископаемых «философов» белогвардейской эмиграции – Льва Шестова и Николая Бердяева. Да ведь это плюсквамперфектум, давно прошедшее время русской реакции!

Эти имена больше всего связаны с тем десятилетием 1907–1917 годов, которое [Максим] Горький называл самым позорным и самым бездарным десятилетием в истории русской интеллигенции. Значительная ее часть скатилась тогда, после 1905 года, в реакционное болото мистики. Ренегатство стало модой в буржуазной литературе и философии². Появились идеалистические школы и школки, об'единенные общей ненавистью к марксизму и звериным страхом перед революцией.

Под разнообразным пестрым оперением в них было одно общее: отрицание об'ективного, реального мира, отрицание опыта и науки, возведение в мистическое божество собственных, личных ощущений.

¹ Речь идет об эссе Альбера Камю (1913–1960) «Миф о Сизифе» (*Le Mythe de Sisyphe*, 1942).

² Заславский приводит почти точную незакавыченную цитату из печально известного августовского 1946 г. доклада А.А. Жданова; ср.: «Горький в свое время говорил, что десятилетие 1907–1917 годов заслуживает имени самого позорного и самого бездарного десятилетия в истории русской интеллигенции, когда после революции 1905 года значительная часть интеллигенции отвернулась от революции, скатилась в болото реакционной мистики и порнографии, провозгласила безидейность своим знаменем, прикрыв свое ренегатство “красивой” фразой: “и я сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал”» (цит. по: *Жданов А.А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград»: Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов.* [М.], 1952. С. 8).

Ленин разгромил философствующую реакцию и показал, что все идеалистические школы и школки, как бы они ни рядились, представляют перепоп берклеанского солипсизма, признающего реальность только собственного «я».

Сартр и его ученики щеголяют в этих философских обносках. Даже терминология их взята из лавки старьевщика. Ленин высмеивал учено-философскую тарабарщину идеалистов. Он писал: «Наши русские махисты стыдливо обходят по большей части эту профессорскую галиматью, лишь изредка стреляя в читателя (для оглушения) каким-нибудь “экзистенциалом” и т. п.» (Собр. соч., XIII, 75)¹.

Вот уж когда гуляло это модное словечко! И тогда уже в моде была игра несоединимыми понятиями. Лев Шестов свои писания кокетливо именовал «догматическим адогматизмом». Сартр своему главному сочинению дает подзаголовок «Феноменологическая онтология» [(*L'Être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique*, 1943)], – если сказать проще, выйдет нечто вроде: учение о несуществующей сущности, или еще проще: сапоги всмятку.

Философическая болтовня перекликается с литературной болтовней. Горький в сатирическом образе поэта Евстигнея Смертяшкина² зло осмеял [Федора] Сологуба, [Зинаиду] Гиппиус, [Дмитрия] Мережковского, [Анну] Ахматову, [Михаила] Арцыбашева, певших славу смерти и бессмыслице... От литературы этого рода шла болезненная эротика, и точно такой же эротикой, грубой порнографией проникнуты стихи, повести, романы экзистенциализма.

В журнале «Ле тан модерн» печатаются «Хроника лжеца» [(*Chroniques du menteur*, 1946–1948)]³, «Записки вора» [(*Journal du voleur*, 1949)]⁴, «Дневник шизофреника» [(*Journal d'une schizophrène*, 1950)]⁵, повести «Черная свадьба», «Страсть насилия» и т. п. Ежемесячные обозрения – это подробный перечень самоубийств и убийств во Франции.

Конечно, французские Смертяшкины не пожелают признать себя копией русских Смертяшкиных 1907–1917 гг. Они будут отмежевываться от

¹ Заславский цитирует работу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» (1908–1909).

² Речь идет об одноименном тексте Горького 1912 г., вошедшем в цикл «Русские сказки».

³ Серия текстов Бориса Виана (1920–1959), публиковавшаяся в журнале «Les Temps modernes» в 1946–1948 гг.

⁴ В журнале «Les Temps modernes» публиковались фрагменты текста Жана Жене (1910–1986) «Дневник вора».

⁵ В журнале «Les Temps modernes» публиковались фрагменты текста Маргерит Сешей (1887–1964) «Дневник шизофренички».

предшественников, как и сами эти предшественники усиленно отмежевались друг от друга. Но Ленин писал Горькому в 1913 году, что одна такая школка отличается от другой «ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего», и основное во всех этих школках, их объединяющее, это «идейное труположество» (XVII, стр. 81)¹.

Идейное труположество находит в современной Франции немногочисленных, но весьма шумливых поклонников, а главное, находит издателей. Реакционная буржуазия покровительствует Сартру. Он нужен для борьбы с демократией, с марксизмом. Разгром фашизма опустошил прежнюю идеологическую охрану «200 семейств»². Требуется нечто иное. Делается попытка создать это иное, и для этого напускается гнилой мистический туман на новую, молодую Францию, прошедшую школу боевого сопротивления немцам-захватчикам.

«Мертвый хватает живого». Франция [Филиппа] Петэна – [Пьера] Лаваля пытается, спекулируя на трудностях послевоенного времени, заразить французскую молодежь трупным ядом своего собственного гниения, умственного и нравственного разложения.

В последнее время идет приспособление экзистенциализма к политическим запросам реакции. До войны Сартр был чужд политике. Его не знали за пределами узкого круга. Его школа была выражением полного разложения довоенной буржуазной интеллигенции. Во время войны Сартр попал в лагере сопротивления и этим нажил небольшой демократический капитал.

Ныне этот капиталец пущен в политический оборот. Сартр пытается соединить философский нигилизм с демократической фразой. Он выдает себя за либерала. Одна из его брошюр называется «Экзистенциализм и гуманизм» [*L'existentialisme est un humanisme*, 1946)]. В действительности под прикрытием философской тарбарщины идет поход против материализма и науки, против марксизма и народной демократии.

Не одна лишь французская буржуазия оценила «учение» Сартра. К нему со вниманием присматривается американская реакция. В прошлом году Сартр совершил обезд университетов в США. Он читал лекции об экзистенциализме в Йеле, Гарварде, Принстоне – цитаделях американского ученого консерватизма. Американская печать устроила ему громкую ре-

¹ В письме Ленина Горькому речь шла об отличии «богоискательства» от «богостроительства» («боготворчества»). Заславский намеренно искажает смысл ленинского послания, тем самым подкрепляя приведенный выше фрагмент из «Материализма и эмпириокритицизма».

² Заславский отсылает к политическому мифу, авторство которого принадлежит Эдуару Даладьё (1884–1970).

кламу. Журнал «Лайф» напечатал хвалебную биографию Сартра и подчеркнул, что «самый модный философ» Сартр ныне является «главным врагом марксизма на идейном фронте». Это значит, что модной продукции Сартра обеспечен импорт в США наряду с модной продукцией Пакена <sic!>.

Сартр знает, что от него требуется. Вскоре после того, как он вернулся из США, вышел в свет специальный, «американский» номер его журнала. В нем до 400 страниц. Напечатаны статьи французских и американских авторов, но изгнаны хроника самоубийств, дневники шизофреников и письма воров... Смертяшкины остепенились! Они заговорили вдруг об экономических проблемах и о главной для них – о валюте.

Сам Сартр снисходительно пишет об «американизме». Его философские иероглифы расшифрованы в соседней статье Ги Кардаляка «США перед своим наследством». Мы узнаем, что историческим наследством США является, по сути... весь мир! Хочет, мол, этого или не хочет Франция, а она будто бы должна итти на буксире у США, должна включиться в «Западный» или «Атлантический блок», должна, говоря попросту, стать колонией богатого американского империализма. Кардаляк отрицает возможность французской независимой экономической политики.

Так открывается экономическая и социально-политическая сторона экзистенциализма. Французские Смертяшкины пишут о смерти, а хотят жить, торговать своими идеями и наживаться на них. Франция бедна для них теперь, страшна в будущем. В росте сознательности рабочего класса, в успехе коммунистов, в популярности идей марксизма они с полным основанием видят приговор над собой. В американской реакции они видят свою метрополию, рынок для сбыта своей продукции.

Они нужны богатой американской буржуазии как враги марксизма. Это уж само по себе свидетельствует о банкротстве буржуазной философии и о растущем успехе марксизма в широких кругах. Любопытно, что спрос на философию упадка, пессимизма, гниения появился в США, где грубый и самодовольный оптимизм преуспевающей буржуазии был еще недавно признаком хорошего философского тона. По-видимому, тревога и неуверенность раз'едают традицию самодовольства. Импорт французского нигилизма не поможет. Смертяшкины – плохие врачи.

Философия упадка, разложения и смерти бессильна перед философией развивающейся жизни, перед побеждающей властью разума и науки. Утверждаемая марксизмом-ленинизмом в теории и на практике закономерность исторического процесса приводит в ужас и наполняет смертельной тревогой общественные классы, вынужденные сойти с исторической сцены.

Экспорт модной продукции Сартра за океан это и есть бегство от передовой европейской демократии, от науки, от марксизма, от народа.

Ник[олай Алексеевич] Каринцев

«ПРОПАГАНДА МАРАЗМА И БЕЗУМИЯ»

Французская пресса отмечает, как наиболее значительные явления послевоенной литературы, две пьесы, появившиеся в 1946 году. Это «Победители»¹ Сартра, драма, посвященная французским партизанам, и последняя пьеса [Ипполита-Жана] Жироду – «Безумная из Шайо»², направленная против «двухсот семейств»³ Франции. Столь высокая оценка пьесы, естественно, привлекает наше внимание, тем более, что французская литература, в частности драматургия, во время и после войны не дала ни одного сколько-нибудь значительного произведения, не говоря уже о таких произведениях, в которых ставились бы вопросы, связанные с войной, или всерьез затрагивались социальные проблемы. Что же представляют собой эти две пьесы и в чем их истинное значение?

Всему миру известно, какую героическую борьбу вели с гитлеровскими оккупантами партизаны Франции и какие жертвы они понесли в этой борьбе, увенчавшейся славной победой. В истории французского народа это одна из самых блистательных страниц.

Французский писатель и «философ» Жан-Поль Сартр откликнулся на эти замечательные события, написав пьесу «Победители». Но в ней только название соответствует делам, которым пьеса посвящена. Произведение Сартра – злая и неправдоподобная карикатура на героических партизан.

Глубочайшим пессимизмом, неверием в жизненные силы человека, отсутствием перспективы отмечена вся «философия» Сартра, его пресловутый «экзистенциализм». По Сартру, у человека есть только один выход – садическое любование собственными мучениями. Он с упоением, с предельным натурализмом показывает «тошнотворные» мрачные будни, давящие на волю человека, отравляющие его сознание. Откажись от борь-

Статья Н.А. Каринцева печ. по: Литературная газета. 1947. № 14 (2329). 5 апреля. С. 4

¹ Пьеса позднее была переименована и в настоящий момент имеет заглавие «Мертвые без погребения» (*Morts sans sépulture*, 1946).

² Пьеса «Безумная из Шайо» (*La Folle de Chaillot*) была опубликована в 1945 г.

³ См. примеч. к статье Д.И. Заславского «Смертяшкины во Франции» на с. 168.

бы, подчинись бытию, как оно ни ужасно, и ты найдешь в этом сладость и забвение, – вот подлинный смысл «философии» Сартра, которая недаром пришлось весьма по вкусу самой откровенной реакции. Вот откуда ошеломительный «успех» Сартра и та шумная реклама, которая создана вокруг его имени и в Западной Европе и в Америке.

Сартр формально не скомпрометировал себя «сотрудничеством» с немцами. Более того, он даже сидел в немецком концлагере, а во время освобождения Парижа дрался на баррикадах. Однако это «бытие» Сартра не отразилось в его «сознании», то есть в его литературных и философских трудах, напротив, оно коренным образом разошлось с ним.

Вся омерзительная сущность сартровской «философии» сказалась в его новой пьесе, где проповедь отказа от борьбы и погружения в нирвану обращена к людям, которые отдали свою жизнь в беззаветной борьбе с фашизмом. Какая злая ирония звучит в названии пьесы – «Победители!» Сартр втаптыкает в грязь это прекрасное, светлое слово и тех, кого он осмеливается описывать под именем «победителей». Все, что в его предыдущих двух пьесах было скрыто под наслоением изощренной выдумки, в «Победителях» навязчиво выступает вперед, не сдерживаемое плотинами обычного сартровского двуязычия. Для Сартра-драматурга – это вполне закономерный путь.

Его первая пьеса, «При закрытых дверях»¹, выдержала только в одном парижском театре «Вье коломбье» [*Vieux-Colombier*] 300 спектаклей. Сейчас она идет в Нью-Йорке, Брюсселе, Женеве и Стокгольме, где ее оценили поклонники Сартра. На сцене показан ад; в нем осуждены на вечные муки две женщины и мужчина. В сартровском «аде» нет ничего мистического – это шаблонная комната третьеразрядного отеля. Лакей объясняет «клиентам», что ни ключев, ни кипящей смолы здесь нет. И, действительно, весь «ад» состоит в том, что эти три человека мучают друг друга. Но смерть, как избавление, невозможна в «аду», и пьеса кончается мрачной репликой одного из ее героев: «Ну что ж, давайте продолжать». Такова эта оскорбительная и лживая пародия Сартра на человеческое «бытие».

Вторая пьеса Сартра, «Мухи»², – вариант греческого мифа об Оресте и Электре. Тема довольно старая в драматургии. Но у Сартра она звучит по-своему. «Мухи» – это эриннии – богини «угрызений совести», мучающие человека, это наказание, посланное людям богами, чтобы держать их в повиновении. «Мертвые повелевают» живыми – таков непреложный закон, от которого, по Сартру, нет и не может быть освобождения.

¹ Пьеса «За закрытыми дверями» (*Huis clos*) была опубликована в 1943 г.

² Пьеса «Мухи» (*Les Mouches*) была опубликована в 1943 г.

Но одно дело, когда извращенная фантазия Сартра обращается к сюжетам библии и мифологии, где «убогой роскошью наряда» прикрывается убогость политической мысли. Когда же он переносит свои «экзистенциалистские» выверты в реальную жизнь и вторгается в борьбу героических партизан, – картина получается мерзкая до тошноты. Спекулируя на высокой теме, Сартр под маской «французских партизан» вывел кучу больных, извращенных людей – плод его грязной фантазии, направленной на то, чтобы очернить и оболгать действительных героев. «Победители» Сартра – клевета на французский народ и позор для французской драматургии!

Вот содержание этой, с позволения сказать, «пьесы».

В фашистском плену томятся несколько французских партизан; среди них молодая девушка – Люси и пятнадцатилетний подросток Франсуа. И странное дело, на чердаке, где заперты эти гордые, непокорные люди, – такими в действительности были партизаны, – разыгрывается та же трагедия, которую Сартр награбил выдуманных им персонажей в пьесе «При закрытых дверях». Партизаны, ведущие непримиримую борьбу с немцами, живут в «аду», сочиненном для них Сартром. Они мучают друг друга ложными подозрениями, обвинениями, взаимными попреками, проявляют самые низкие черты человеческого характера. Дело доходит до того, что один из партизан убивает Франсуа в припадке животного страха, что мальчик не вынесет пыток и предаст товарища.

Все границы гнусности Сартр перешагнул в сцене, где в тюрьму приводят вожака партизан Жана. Немцы не знают, кто попал в их руки, и Жан надеется, что его освободят. Казалось бы, в этой ситуации нет ничего, что могло бы вызвать у партизан зависть, обиду. Наоборот, совсем иные чувства – товарищеская сплоченность, стремление помочь другу должны владеть ими. Но Сартру необходимо показать «ад». И вот партизаны изгоняют из своей среды человека, перед которым, возможно, откроются двери тюрьмы и он сможет продолжать борьбу. Они злобно похваляются своими мучениями, своими несчастиями (вернее, это делает за них автор). Жан – этот вождь партизан – говорит им: «Надоело мне слушать все время о ваших муках, как будто эти муки ваша заслуга! Я и так чувствую себя словно в чем-то виноватым перед вами. То, что они (т. е. немцы) сделали с вами, я и сам могу сделать с собой. Это доступно всем».

Люси, только что вернувшаяся с допроса, измученная, опозоренная, отвечает Жану (которого она любит): «Это не то, не то! Ты можешь переломать себе кости, ты можешь выцарапать себе глаза, но ведь это сделаешь ты сам, ты сам накладываешь на себя свои муки, а мы жертвы насилия, жертвы других людей». И Жан отвечает: «Да, ты права, я не могу быть вместе с вами, я одинок. Я останусь один, уйду в тень, забудьте о моем существовании. У вас ваша судьба, и вы ее приняли. У меня – моя, которую я принял».

Эту жалкую философию трусости и отчаяния Сартр пытается выдать за правду жизни! Может ли быть что-нибудь более подлое, чем такой навет на французский народ?

«Победители» – произведение не только антинародное, вредное, клеветническое, но и антихудожественное. Сартр не мог оказать лучшей услуги французской реакции, с восторгом подхватывающей любую ложь о борьбе французского народа с фашизмом.

«Победители» французского «философа» Сартра и «Победители»¹ русского драматурга Б. Чиркова! Какая пропасть отделяет понятия, вложенные в самое слово «победители»! Два мира здесь противостоят друг другу – затхлый мир реакционного, оторванного от народа, искусства, загнанного в тупик пессимизма, ложной «глубины» и извращенной мысли, и мир правдивого, жизненного, передового искусства, глубоко уходящего корнями в толщу народных масс. Уже в самое последнее время Сартр изменил название своей пьесы. Его «Победители» теперь называются «Смерть без погребения». Этот трюк служит лишь для рекламы пьесы и ровно ничего не меняет в ее существе.

С большим успехом в парижском театре «Атенэ» [(*Théâtre de l'Athénée*)] идет «Безумная из Шайо» Жана Жироду. По некоторым намекам, брошенным во французской прессе, этот успех отчасти объясняется уважением к памяти «Ундины» [(*Ondine*, 1939)], «Тессы» [(*Tessa, la nymphe au cœur fidèle*, 1934)] и «Песни песней» [(*Le Cantique des cantiques*, 1938)], но, главным образом, пьеса привлекает тем, что в ней, хотя и очень сумбурно, поставлена социальная проблема. Жироду выступает против пресловутых французских «двухсот семейств», – и все реплики в пьесе, направленные против спекулянтов, биржевиков, трестов, встречаются аплодисментами зрителей. Но для своего выступления Жироду избрал очень странный метод. Драматург обращается к социальному «дну» – старьевщикам, бродягам, нищим, воплощающим у него общественную справедливость и разрешающим классовые противоречия путем физического уничтожения группы биржевиков и спекулянтов. Все это выглядит довольно эффектно на сцене, но не может скрыть слабости политической идеи произведения.

Сюжет пьесы «Безумная из Шайо» таков: шайка спекулянтов и биржевиков организует трест для эксплуатации нефтяных источников, будто бы скрытых под землей Парижа. Для этого они собираются взорвать город со всеми его памятниками, дворцами, зданиями. О преступных замыслах шайки узнает уличный Париж, все эти тряпичники, старьевщики, судомой-

¹ Имеется в виду пьеса: *Чирков Б. Ф. Победители: Военная драма в 4 действиях, 10 картинах.* М.; Л.: Искусство, 1946.

ки из кафе, бродячие певцы, нищие. Ими руководит полубезумная старуха, проживающая в одном из подземелий Шайо. Она берет на себя миссию спасти Париж, а вместе с ним и мир, от спекуляции, биржи, от всего зла, которое они несут с собой.

Безумие – вот что должно спасти мир, ибо безумие, по мысли Жироду, это любовь, радость жизни, беззаботность, счастье.

Планы безумной старухи пропагандируют тряпичник и судомойка из ресторана. Тряпичник разоблачает спекулянтов и мародеров, судомойка возвещает принципы новой жизни – красоту, радость. «Я ненавижу безобразие, я обожаю красоту, – говорит она в своем монологе, который воспринимается как некое “исповедание веры” самого Жироду, – я ненавижу зло, я люблю добро. Я ненавижу ночь, я обожаю утро. Ненавижу дьявола, обожаю бога. Люблю свободу, презираю рабство...» и т. д.

Единственное средство спасти мир от кучки бандитов – уничтожить их физически. В подземелье, где живет безумная из Шайо, есть потайная пещера, в которой существует только один вход. Безумная заманивает туда спекулянтов под предлогом, что она откроет им источник нефти. Но тут перед старухой и ее друзьями возникает вопрос – имеют ли они право на убийство? И они организуют заочный судебный процесс. Суд присяжных, состоящий из друзей безумной, приговаривает преступников к смертной казни. Итак, правосудие свершается – преступники погибают. Мир освобожден от власти богатых, от безобразия, тьмы и обмана. Теперь наступит царство радости и красоты. Безумная из Шайо может заняться судьбой тех, кто достоин того, чтобы о них заботились.

Такова посмертная пьеса Жана Жироду, его «политическое завещание», по выражению французской прессы. Вручая безумию судьбу мира, Жироду показал, что не видит никакого реального выхода, пути к разумному устройству мира.

Итак, «ад» у Сартра и «безумие» у Жироду – вот альфа и омега двух современных французских пьес. Никакого другого актива нет у послевоенной французской драматургии. Вряд ли можно представить себе большее идейное убожество. Это говорит прежде всего о том, что определенная часть французской интеллигенции действительно не видит выхода из тупика, в который ее завели реакционные «философские» концепции. А самое главное, за этим убожеством скрывается и определенный расчет – пропагандой идей «ада» и «безумия» увести широкие массы подальше от политической борьбы.

Дата поступления в редакцию: 11.07.2023

Received: 11.07.2023

Дата публикации: 30.08.2023

Published: 30.08.2023